

Д. Г. ГУЛИА

К
ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОГО
ВОПРОСА

СУХУМИ
1 9 7 8

Д. Г. ГУЛИА

**К ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОГО ВОПРОСА**

**РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1806—1812 гг.
И АНГЛИЯ**

Издательство «Алашара»
Сухуми — 1978

Книга кандидата исторических наук Д. Г. Гулиа посвящена истории Восточного вопроса в начале XIX века. В ней, на основании целого ряда новых архивных материалов, анализируется позиция Англии в русско-турецкой войне 1806—1812 гг. Популярность изложения делает ее интересной не только для специалистов, но и для широкого круга любителей истории.

*Редактор
доктор исторических наук
Г. А. ДЗИДЗАРИЯ*

ОТ АВТОРА

Позиция Англии в период русско-турецкой войны 1806—1812 гг., в особенности ее отношение к России на различных этапах войны раскрывает противоречивые тенденции английской политики этих лет, ярко рисует ее общий характер и ее методы, позволяя проникнуть в направление ее интересов.

Русско-турецкая война 1806—1812 гг. на первый взгляд кажется локальным конфликтом, затронувшим лишь периферию политической жизни. В действительности, в этот конфликт были вовлечены крупные международные интересы, в его развитии и исходе были непосредственно заинтересованы Англия и Франция — две крупнейшие державы Западной Европы, боровшиеся за мировую гегемонию.

Было бы исторически неверно представлять себе русско-английские отношения этих лет как цепь одних лишь противоречий и столкновений. В ходе войны прослеживается, как в этих отношениях проявлялись и сталкивались противоречивые тенденции: с одной стороны интересы совместной борьбы против общего врага — наполеоновской Франции, с другой — соперничество на Востоке.

Русско-английские отношения составляют один из элементов сложного узла международных отношений, в котором самым тесным образом переплетаются многие важные проблемы, в том числе такие как «Восточный вопрос», политика России в отношении Турции и многие другие. Русско-турецкая война явилась как бы зеркалом, в котором отразилась вся европейская политика. Естественно, в той или иной степени эти проблемы должны были найти освещение в работе. В то же время автор по ряду причин не имел возможности детально и всесторонне рассмотреть все эти вопросы.

Центральное место в событиях этих лет занимал так называемый «Восточный вопрос» — группа международных противоречий, связанных с наметившимся распадом Османской империи и борьбой великих держав за раздел ее владений, в первую очередь европейских. Англия, Франция и Австрия, выступая на словах за сохранение территориальной целостности Османской империи, на деле преследовали экспансионистские цели, игнорируя интересы самой Турции и ее народов.

Восточный вопрос затрагивал многие непосредственные интересы и России — политические, стратегические и экономические.

Одной из важнейших задач внешней политики России на протяжении многих десятилетий было стремление получить свободный выход в Черное море с дальнейшим превращением государства в мощную черноморскую державу. Следовательно, выход в Черное море, а тем более и обладание им имели большое политическое и стратегическое значение для России. Вместе с тем проблема Черноморья к концу XIX в. приобрела первостепенное значение, ибо экономическое развитие России ставило задачу освоения ее южных областей и развития черноморской торговли.

Последняя треть XVIII в. была отмечена большими успехами России в решении ряда важных внешнеполитических проблем, в том числе и Восточного вопроса, однако эти задачи царизму теперь приходилось решать в иных условиях: в наиболее развитых странах Западной Европы победил капитализм, да и в самой России складывались новые общественные отношения, которые характеризовались ростом производительных сил и усиленным разложением феодально-крепостнического строя, что в свою очередь вело к укреплению товарных связей, расширению внутреннего рынка и ускорению разложения натурального хозяйства. Соответственно росли и развивались международные торгово-экономические связи России.

Россия в силу целого ряда причин проводила активную захватническую политику в отношении Османской империи. В то же время царизм, преследуя в своей внешней политике реакционные цели, объективно способствовал развитию национально-освободительной борьбы пораженных Турцией народов, созданию в дальнейшем независимых балканских государств — Греции, Болгарии, Румынии и др.

Ф. Энгельс в статье «Что будет с Европейской Турцией» писал: «В чем состоит статус кво? Для христианских подданных Порты это означает просто увековечение их угнетения Турцией. И пока они остаются под игом турецкого владычества, они будут видеть в главе греко-православной церкви, в повелителе шестидесяти миллионов православных, кем бы он ни был в других отношениях, своего естественного освободителя и покровителя» (1, 31—32)*.

* Здесь и далее первая цифра в скобках обозначает порядковый номер цитируемого труда или архивного материала из списка, прилагаемого в конце, а последующие — номера архивных дел, листы или страницы.

В результате присоединения к России Кавказа и Закавказья многие народы были избавлены от экспансии более отсталых военно-феодалов Ирана и Турции. Кавказские народы были приобщены к великой русской культуре и к революционной борьбе русского народа.

ОТНОШЕНИЯ АНГЛИИ И РОССИИ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Отношения между Россией и Англией в последние десятилетия XVIII в. характеризуются сменой противоположных тенденций — от дружественных и даже союзнических отношений к враждебным. В то же время даже в периоды враждебности и разрыва некоторые влиятельные круги обеих стран подчеркивали свои взаимные симпатии и добивались примирения (51, 63). Для понимания этого факта следует обратиться в первую очередь к экономике.

В XVIII в. и начале XIX в. Россия и Англия вели между собою оживленную торговлю, причем их товары, в основном, не конкурировали между собой. Англия вывозила из России хлеб, сало и другие продукты. Еще более значительным был русский ввоз в Англию товаров, необходимых для ее флота, в первую очередь леса. Уничтожение лесов в Англии делало для нее необходимым ввозить лесоматериалы для строительства флота, и они, в основном, шли из России, через порты Балтийского моря. После установления независимости Северной Америки и утраты британского контроля над поставками леса из Америки англо-русская лесная торговля стала одним из важнейших элементов в поддержании британской морской мощи. Из России ввозились в Англию также лен, пенька, парусина, канаты, дёготь и пр. В последнее десятилетие XVIII в. англо-русские торговые связи продолжали развиваться и крепнуть.

В свою очередь, английский рынок был чрезвычайно важен для России. На долю Англии в начале XIX в. приходилась значительная часть русского экспорта железа, льна, сала, пеньки, полотна и т. д. Французский купец Фавье в конце XVIII в. следующим образом characterizo-

вал русско-английскую торговлю: «Кроме значительного ввоза английских, колониальных, ост-индских, французских и других продуктов, Англия производит огромный вывоз из России предметов важных для мореходства — строевого леса, мачт, железа, смолы, пеньки и т. д. Англичане в самой России заводят фабрики, обрабатывающие сырые продукты на $\frac{2}{3}$ дешевле, чем в Англии... Выгода Англии от всех этих предметов огромна, но что все-го важнее, — в России Англия имеет неисчерпаемый источник всего необходимого для поддержания и увеличения ее флота, как военного, так и торгового. Таким образом, торговля с Россией доставляет Англии пищу для всякой другой торговли, поддерживая ее значительнейшие в мире морские средства» (45, 120).

Выход России в Черное море привел к быстрому росту русской торговли через южные порты. Доля черноморской торговли во всей морской русской торговле возросла с 5,5% в 1802 г. до 12,9% в 1805 г. (53, 30—31).

В начале XIX в. Англия начинает проявлять повышенный интерес к черноморской торговле с Россией. В этой связи представляет интерес миссия специального уполномоченного английского правительства Итона, дважды (в 1777 и 1803 гг.) побывавшего в черноморских портах России.

В 1803 г. Итон был послан на юг России изучить возможности установления прямых торговых связей между о. Мальта и Одессой. Отчет, представленный Итоном по возвращении в Лондон, и разработанный им план торговли с черноморскими портами России был одобрен английским правительством. Итон считал, что юг России может стать не только импортным, но и новым экспортным рынком для английских товаров и был уверен, что Причерноморье — это «ворота во внутреннюю Россию, Сибирь, Персию, Бухару, Польшу» (48, 462—463). В дальнейшем планы экономического проникновения в Причерноморье англичане стали активно претворять в жизнь.

Таким образом, общие экономические интересы толкали Россию и Англию к сближению. В том же направлении действовали политические мотивы: между интересами обеих держав в Европе пока еще не было серьезных противоречий. В 70-х годах XVIII в. в русских и

английских правительственных кругах доминировало представление об Англии и России, как «естественных союзниках». Крупнейший английский политический деятель того времени У. Питт-Старший (лорд Чатам) говорил в 1786 г. русскому посланнику в Лондоне С. Р. Воронцову: «Россия и Англия, не будучи по естественному их положению никогда в нужде воевать между собою, всегда должны жить в дружбе и союзе». В свою очередь советник Екатерины II в делах внешней политики гр. Н. П. Панин считал, что Англии, как морской державе, нужны сухопутные силы России, а России, как сухопутной державе, положительно необходима поддержка флота и морских сил Англии (35, 654—655). Кроме того, многие видные русские сановники и в первую очередь братья А. Р. и С. Р. Воронцовы панацеею от всех бед видели в прочном союзе Англии и России.

В конце XVIII в. появился дополнительный мотив для политического сближения между Россией и Англией на почве общей заинтересованности в ограничении завоевательных планов наполеоновской Франции. С начала 90-х годов XVIII в. Англия находилась в состоянии войны с Францией. Война стимулировала развитие экономики. Британский хлопок и кожа одевали и обували английскую армию и армии ее союзниц. Имеются сведения, что даже армии Наполеона «иногда маршировали в английской одежде». Война с Францией была выгодна части английской крупной буржуазии, но больно ударила по интересам простого народа.

Англия и Франция — две экономически наиболее развитые страны того времени боролись за гегемонию в мире, их интересы сталкивались повсюду: в Европе, в Индии, на американском континенте, на Востоке и на морях.

Завоевательные планы Наполеона вызывали опасения и в России. Французская дипломатия оказывала противодействие российской политике в Польше, Швеции и в других местах. В России отлично понимали, что при благоприятных обстоятельствах агрессия Наполеона может распространиться на другие территории, в том числе и на Балканы. А Ионические острова, Балканы, как зависимые от Франции территории, были бы, по мнению английского историка Ситона-Уотсона, «трамплином для

установления французского господства на Востоке» (70, 88—89).

Из сказанного, однако вовсе нельзя делать вывод, что отношения между Россией и Англией были безоблачными и между ними не было противоречий. Уже к концу XVIII в. в России начало проявляться стремление избавиться от засилья английского торгового капитала в русской внешней торговле, что в Англии восприняли, как «недружелюбные шаги». Важным мероприятием в этом направлении был учрежденный Екатериной II в 1780 г. союз вооруженного нейтралитета, что в Англии расценивали как нарушение «законных прав и интересов английского народа» (35, 655).

Однако главным очагом русско-английских противоречий и столкновений к концу XVIII в. стал Восток. Английская буржуазия проводила активную политику колониальной экспансии и с подозрением смотрела на всех, кто мог ей в этом помешать. Особенно чувствительными англичане были к Индии. По мере расширения там английских владений правящие круги Англии испытывали все более серьезные опасения за прочность своего господства в этой стране. В Англии все чаще и все громче звучали голоса об «угрозе» Индии. Проблема «обороны» Индии от покушений со стороны других великих держав начинала занимать все большее место во внешней политике Англии. Наполеон действительно мечтал о захвате Индии. В своих мемуарах он позднее писал: «Я овладел бы Константинополем и Индией и мир был бы не тем, что ныне» (29, 488).

В Англии некоторые политики считали Россию главной угрозой своему господству в Индии. Старый и опытный английский агент на Востоке Хартфорд Джонс считал, что главную опасность для Британской Индии представляет Россия и требовал сосредоточить все усилия на борьбе против нее (30, 54). Подозрения насчет планов России против Индии на протяжении всего XIX в. отравляли русско-английские отношения. Английский историк С. Уальполь в середине 80-х гг. XIX в., в период резкого обострения русско-английского конфликта в Азии, иронически писал: «Всякий англичанин, заключающий о желаниях других народов по своим собственным взглядам, имеет основание предполагать, что Россия будет про-

должать наступательное движение, пока не достигнет океана. Средиземное море, Персидский залив, Тихий океан — вот конечные пункты ее постоянного движения» (55, 108).

Трезвые наблюдатели неоднократно опровергали английские страхи, показывая нереальность любой попытки со стороны России преодолеть огромные и труднопроходимые пространства, отделяющие южные границы России от английских владений в Азии, и вторгнуться в пределы Индии. О неосуществимости этих планов убедительно свидетельствует судьба экспедиции казачьих войск, направленных в 1801 г. под командованием Платова, и более поздняя экспедиция под командованием генерала Перовского. Однако «угроза» Индии продолжала постоянно фигурировать в английской политической жизни и прессе.

В 1801 г. к России присоединилась Восточная Грузия. Это стимулировало и другие народы начать еще более активную борьбу за освобождение из-под турецкого гнета и открывало новые пути для дальнейшего проникновения России в Закавказье. В течение 1803—1804 гг. Мегрелия, Имеретия, Гурия стали под покровительство России. Англия вначале отнеслась довольно пассивно к присоединению Грузии к России — она еще не имела там своих непосредственных интересов. Но она постаралась «уравновесить» успехи России в Закавказье утверждением своего влияния в Иране.

В конце XVIII в. после установления правления династии Каджаров Иран (Персия) был объединен центральной властью, и Ост-индская компания решила добиваться здесь торговых привилегий. Коммерческие интересы Англии совпали с политическими и стратегическими. В конце декабря 1799 г. генерал-губернатор Индии направил в Тегеран английского офицера Дж. Малькольма в качестве специального посланника для подписания договоров с Ираном, которые отвечали бы политическим интересам Британской Индии и Соединенного Королевства, а также коммерческим интересам Компании, и 28 января 1801 г. был заключен договор о союзе и торговле между Великобританией и Ираном. Хотя договор и не был ратифицирован шахом, но тем не менее

он сыграл большую роль в дальнейшем укреплении позиций Великобритании в Иране и Турции.

В последующие годы Англия продолжала эту линию и на каждый шаг России в Закавказье отвечала экспансией в Средней Азии.

Однако главным объектом наиболее острых русско-английских разногласий в эти десятилетия был Ближний Восток и средоточием их была Турция.

Английский капитал давно претендовал на торговое и политическое влияние в Константинополе. Однако здесь он встретил серьезного соперника в лице Франции.

В 80-х годах XVIII в. на долю Франции приходилось почти $\frac{3}{5}$ внешней торговли Турции. Некоторые французские государственные деятели считали Турцию своей торговой колонией (51, 45). Между Францией и Турцией существовали тесные политические связи — Франция считалась союзницей Турции.

Политика Англии в Турции на протяжении XVIII в. в значительной степени определялась антифранцузскими соображениями: усматривая в России противовес французскому влиянию, Англия нередко поддерживала здесь Россию. Так, в ходе русско-турецкой войны 1768—1774 гг. английское правительство снабжало русские суда боеприпасами и продовольствием, английские моряки-добровольцы сражались на стороне России (46, 206—223). Мирный договор 1774 г., заключенный в Кючук-Кайнарджи, закрепил за Россией Кабарду, крепости Керчь, Еникале, Кинбури, Азов с землями, лежащими между Днепром и Бугом. Россия добилась права свободного судоходства в Черном море, а также свободного прохода через проливы Босфор и Дарданеллы для своих торговых судов. Кроме того, результатом Кючук-Кайнарджийского мира было усиление национально-освободительной борьбы славянских народов, входивших в Османскую империю, против турецкого гнета и объявления независимости Крыма от Турции, что, по существу, было предпосылкой для присоединения его к России. Однако турецкое правительство и после подписания Кючук-Кайнарджийского мира продолжало использовать Крым как плацдарм для агрессии против России и борьба за обладание полуостровом завершилась присоеди-

нением его к России в 1783 году. В результате присоединения Крыма к России было ускорено экономическое развитие юга России и укреплена его оборона.

Нежелавшие примириться с потерей Крыма турецкие феодалы развязали в 1787 г. новую русско-турецкую войну. Россия имела союзницей Австрию, однако вся тяжесть войны легла на русскую армию.

Русские войска под командованием выдающихся полководцев А. В. Суворова и Ф. Ф. Ушакова одержали ряд блестящих побед над турками на суше и на море и принудили Турцию к миру, который был заключен в самом конце 1791 г. в Яссах. По Ясскому мирному договору к России отошло побережье Черного моря от Южного Буга до Днестра. Присоединение всего северного побережья Черного моря значительно усиливало позиции России, открывало ей новые морские пути, способствовало заселению и хозяйственному освоению обширных земель юга страны.

После Ясского мира русско-турецкие отношения несколько стабилизировались. Россию в то время занимали другие проблемы: польские дела, подготовка коалиции против Франции и пр.

Турция, переживавшая в конце XVIII — начале XIX в. глубокий экономический и политический упадок, в еще большей степени, чем Россия, нуждалась в мире. Османская империя сотрясалась феодальными усобицами и восстаниями янычаров. Значительно усилилось освободительное движение поработенных турками народов. Поражение в последней русско-турецкой войне осложнило и без того трудное внутреннее положение в империи. Султану Селиму III был необходим мир для проведения военных и экономических реформ, для усмирения своих мятежных вассалов. Однако интересно отметить, что при всем том старые формы производства продолжали удерживаться в неизменном виде, что, по образному выражению К. Маркса, составляло «одно из таинственных средств самосохранения Турецкой империи» (2, 148).

23 декабря 1798 г. (3 января 1799 г.) между Россией и Турцией был заключен союзный договор.

По условиям договора Россия обязалась послать для защиты Турции от Франции эскадру в 6 линейных ко-

раблей и 6 фрегатов и армию в 75—80 тыс. человек. Содержание русской эскадры Турция брала на свой счет. Русским военным кораблям разрешался свободный проход через Черноморские проливы в Средиземное море на время войны против Франции. Договор был заключен на 8 лет.

Следствием союза с Турцией явилась и заключенная 11 (22) августа 1799 г. русско-турецкая конвенция о новом таможенном тарифе в Турции, который был весьма выгоден России (4, л. 58—60).

Таким образом, в результате Кючук-Кайнарджийского и Ясского мирных договоров Россия превратилась в черноморскую державу, обладавшую своим военным и торговым флотом на Черном море. Все это и активное хозяйственное освоение Северного Причерноморья значительно укрепили экономическое и стратегическое положение России на юге и усилили ее интерес к Средиземноморью.

Следует отметить, что русское правительство сразу же после Кючук-Кайнарджийского мира приняло меры, направленные на развитие торговли со средиземноморскими державами через черноморские проливы. В 1775 г. были значительно снижены пошлины на экспортируемые и импортируемые товары, следующие через порты Черного моря. Впоследствии (1782 г.) эта скидка с пошлины вошла в общий тариф и была распространена на державы, с которыми Россия заключила торговые договоры. Россия же в 80-х годах заключила торговые договоры с Турцией, Францией, Неаполем, Австрией и Португалией. Развитию черноморской торговли способствовало и то, что иностранные купцы стали получать «право флага», т. е. их торговым судам разрешалось плавать под русским флагом и на них распространялись привилегии, которыми пользовались русские купцы.

Следствием этих мер явилось неуклонное увеличение размеров черноморской торговли, постоянное увеличение ее доли во внешней торговле России вообще.

Турция к концу XVIII в. занимает важное место в черноморской торговле России. Если в начале 80-х гг. XVIII в. объем русской торговли с Турцией оценивался несколько более чем в 500 тыс. руб., то к началу XIX в. он составлял уже более чем 1 млн. 400 тыс. руб., причем

экспорт в Турцию русских товаров значительно превышал импорт оттуда в Россию (28, 88).

Для Турции торговля с Россией имела чрезвычайно важное значение — отсюда она получала жизненно необходимые для нее товары. Экономика Турции находилась в крайне расстроенном состоянии, что объяснялось целым рядом внутренних и внешних причин. Характерно то, что даже во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. эта торговля почти не прерывалась.

В русско-турецких отношениях конца XVIII — начала XIX в., помимо экономических, значительное место занимали стратегические и политические интересы: Турция не оставляла надежды вернуть свои утраченные позиции на Балканах, в Северном Причерноморье, Крыму и Закавказье. Характерно, что в официальных турецких документах Грузия еще долго после присоединения к России продолжала называться вассальной областью Турции.

Серьезным испытанием для русско-турецких отношений служила обстановка, сложившаяся в Дунайских княжествах. Молдавия и Валахия, находившиеся под властью Турции, были обложены непосильными налогами. Здесь царили гнет и произвол. Россия стремилась стабилизировать здесь положение и ослабить гнет турецких порядков.

По мере возрастания мощи Российской державы на Черном море, укрепления ее позиций и влияния в Турции политика Англии стала приобретать все более отчетливую антирусскую направленность.

Эта тенденция в известной мере проявилась уже к концу русско-турецкой войны 1768—1774 гг., однако в те годы она еще не взяла верх в английской политике. В феврале 1771 г. Каткерт сообщил своему правительству из Петербурга неофициальные сведения об уступках, которые Екатерина II намерена требовать от Турции. Эти требования были указаны довольно точно — уступка Азова, независимость Крыма и Дунайских княжеств, секвестр доходов с княжеств, свобода торговли в Черном море и в Архипелаге, обладание островом в Архипелаге и т. д. По мнению английского дипломата «высокий ум императрицы и полезные советы, подаваемые ей, дают надежду, что общество никогда не услы-

шит о независимости княжеств, секвестре доходов, об острове и о плавании в Архипелаге, в случае чего, я уверен, Его В-во найдет эти требования умеренными». Министр иностранных дел Галифакс, в свою очередь, высказался против большинства требований России, особенно против владения Россией островом в Архипелаге и предписывал Каткарту сообщить это мнение английского правительства гр. Панину, но «под видом своего собственного мнения». Несколько позже англичане выступили и против требования России открыть проливы Босфор и Дарданеллы для русских кораблей (17, 294—295). Следовательно, Англия фактически выступила против всех основных требований, которые Россия предъявила Турции.

Успехи России на Ближнем Востоке ставили ее в выгодное, по сравнению с Англией, положение в борьбе за преобладание в Восточном Средиземноморье и Средней Азии. В новой войне, развязанной Турцией против России в 1787 г., Англия заняла уже открыто антирусскую позицию. Когда война турками фактически была проиграна, Англия старалась не допустить заключения выгодного для России мира. Правительство У. Питта потребовало от парламента мобилизации военно-морского флота. У. Питт утверждал, что необходимо принудить Россию возвратит крепость Очаков, которую русские недавно захватили в войне с Турцией, и отказаться от притязаний на территорию между Бугом и Днестром (50, 104—120).

В эти годы в некоторых английских кругах складывалось убеждение в том, что Россия стремится к разделу Турции. В действительности в правительственных кругах России господствовало мнение, что для нее гораздо выгоднее и безопаснее иметь своим соседом отсталую, раздробленную, находящуюся в сфере влияния России Турецкую империю, чем раздел ее владений между западноевропейскими державами и Россией. Кроме того, европейские владения Турции должны были сыграть буферную роль в возможных будущих столкновениях между Францией и Россией. Нам кажется очевидным, что к началу XIX в., в противовес Франции, политика России на Балканах не носила открыто захватнического характера. Мы не придаем большого значения известной

записке первоприсутствующего в Коллегии иностранных дел Ф. В. Растопчина о разделе турецких владений между Россией, Австрией и Францией, поданной Павлу I в октябре 1800 г.; она носила четко декларативный характер и не оказала влияния на внешнюю политику России.

Вторжение Наполеона в Египет временно ослабило русско-турецкую вражду, а также впервые вызвало в английских правящих кругах стремление к территориальной целостности Османской империи (59, 65).

Именно в это время мирными средствами Россия завоевала господствующее влияние в Константинополе, по сравнению с Англией и Францией, а русский военный флот получил право свободного прохода через проливы в Средиземное море. Иными словами, мирными средствами Россия добилась того, чего ей раньше не удавалось добиться в результате крупных военных побед в войнах с Турцией.

С конца XVIII в. наиболее влиятельным фактором европейской политики становится непрерывное возрастание международной силы и влияния Франции. Страх перед чрезмерным усилением наполеоновской державы и ее завоевательными устремлениями привел к созданию нескольких коалиций против Франции. Эти опасения оказали влияние и на развитие русско-английских отношений.

При Павле I российское правительство решило отойти от политики невмешательства в англо-французские конфликты и присоединиться к формируемой Англией антифранцузской коалиции европейских держав.

25 августа (5 сентября) 1800 г. англичане захватили о. Мальту, что в корне изменило планы Павла I, который намеревался сделать Мальту русским опорным пунктом на Средиземном море. В ответ на это Павел I отозвал русские войска из Западной Европы, выслал из России английского посланника Ч. Уитворта, наложил секвестр на находящиеся в России английские товары и корабли и заключил в декабре 1800 г. с Данией, Швецией и Пруссией договоры, направленные против Англии. Эти соглашения составили основу т. н. второго вооруженного нейтралитета, целью которого было обеспечить мореплавание и торговлю нейтральных стран. Павел I добивался теперь военного союза с Францией.

В личной переписке русского императора и первого консула Франции поднимался вопрос о присоединении Франции ко второму вооруженному нейтралитету и о совместных военных действиях против Англии (16, т. 70, 32—33). В начале 1801 г. Павел I даже направил через Среднюю Азию казачьи части для завоевания Индии.

Англия и Россия оказались в состоянии войны. Английский флот под командованием адмирала Нельсона 21 марта (2 апреля) в битве близ Копенгагена разгромил датский флот и двинулся на Кронштадт и Ревель. Но сражения не произошло. Антианглийская политика Павла I была крайне непопулярна в российских дворянских и купеческих кругах, для которых Англия представляла важнейший рынок русских товаров. Сближение с Францией также осуждалось многими видными русскими сановниками. Возник заговор и 12 (24) марта 1801 г. Павел I был убит.

После убийства императора Павла I и воцарения на российском престоле Александра I система отношений с Турцией сохранила свои основные черты. Правительство Александра I провозгласило своей официальной программой сохранение территориальной целостности Османской империи. Русский император писал главам российских дипломатических миссий об отношениях с Турцией: «Один из принципов моей политической системы будет заключаться в том, чтобы всегда содействовать всеми моими силами сохранению государства, слабость и плохое управление которого является ценной гарантией безопасности» (10, т. 1, 54). Русско-турецкий союзный договор 1799 г. сохранил свою силу. Определяющим фактором в политике России в отношении Турции было то, что с конца XVIII в. Османская империя пользовалась повышенным интересом со стороны Англии и Франции, а раздел Турции мог значительно усилить их позиции на Ближнем Востоке.

С установлением во Франции диктатуры Наполеона и обострением англо-французского соперничества в начале XIX в. в России вновь возникли идеи нейтралитета в англо-французском соперничестве, столь популярные еще во времена Екатерины II. Эта тактика получила название политики «свободы рук». Основные принципы таковой политики были изложены в докладе Управ-

ляющего коллегией иностранных дел В. П. Кочубея, зачитанном им 25 августа (6 сентября) 1801 г. на заседании Негласного комитета (39, 90—95), который был организован для разработки проекта реформ в июне 1801 г. и в который вошли близкие Александру I сановники — гр. П. А. Строганов, Н. Н. Новосильцев, гр. В. П. Кочубей, кн. А. А. Чарторыйский. Для России в тот момент было необходимо помириться с Англией и сохранить дружественные отношения с Францией.

На следующий же день после дворцового переворота П. А. Пален обратился к С. Р. Воронцову в Лондон с сообщением, что новый император «готов сблизиться с Сент-Джемским кабинетом, чтобы восстановить между Россией и Великобританией единодушие и доброе согласие» (10, т. 1, 12). Вскоре был издан указ, по которому Александр I отказывался от звания великого магистра Ордена св. Иоанна Иерусалимского на о. Мальта, принятого Павлом I в 1798 г. Одним из первых внешнеполитических актов, подписанных Александром I, была англо-русская морская конвенция от 5 (17) июля 1801 г. Конвенция эта носила компромиссный характер. Россия отказывалась от дальнейших попыток укрепить Лигу держав т. н. второго вооруженного морского нейтралитета, но Англии не удалось привлечь Александра I на свою сторону для продолжения борьбы с Францией. Заключив конвенцию с Англией, Александр I не прервал переговоров и с Францией, которые начал еще его отец. 26 сентября (8 октября) 1801 г. между Россией и Францией был подписан договор о мире и секретная русско-французская конвенция. В целом договор означал признание Франции де-юре равноправным государством Европы.

Мир, заключенный между Англией и Францией в Амьене в марте 1802 г., оказался лишь перемирием. В преддверии новой англо-французской войны и Англия и Франция стремились привлечь Россию на свою сторону. В ноябре 1802 г. английский посол в России Уоррен ознакомил нового министра иностранных дел России А. Р. Воронцова с секретной депешей своего правительства, в которой предлагалось заключить англо-русский союзный договор против Франции с привлечением к нему Австрии (10, т. 1, 395—398). В марте 1803 г. предло-

жение заключить союз было повторено вновь в официальной ноте Уоррена Воронцову: от имени английского правительства предлагалось заключить союз или конвенцию о гарантиях целостности европейских владений Турции и Южной Италии (5, д. 4316, л. 25—30). Но и на этот раз последовал отказ — Россия не желала подписывать ни одного акта, могущего втянуть ее в конфликт с Францией.

В свою очередь Франция попыталась привлечь Россию на свою сторону. В мае 1803 г. Наполеон предложил Александру I занять Мальту русскими войсками. Это откровенное предложение выступить на стороне Франции против Англии также было отклонено царем. Но политика «свободы рук» доживала свои последние дни. В мае 1803 г. дипломатические отношения между Англией и Францией были прерваны и англо-французская война возобновилась. Агрессивная политика Наполеона в Европе и на Востоке вынудила Россию принять сторону Англии, тем более, что вновь созданное Российское министерство иностранных дел возглавили англофилы А. Р. Воронцов и А. А. Чарторыйский.

Особое беспокойство у России и Англии вызывало усиление французского влияния в Константинополе. Кроме того, политика Франции на Балканах, где она стремилась создать очаг напряженности и столкнуть Россию с Австрией, начинала серьезно тревожить русское правительство. В мае 1804 г. была достигнута договоренность между английским и русским правительствами о совместных действиях в Константинополе против французов (5, д. 6755, л. 96—98).

В августе 1804 г. между Россией и Францией были прерваны дипломатические отношения. Поводом к этому послужило похищение французами и расстрел герцога Энгиенского. В России это расценили как нарушение всех прав и законов и как вызов Европе. Последовавшую вслед за этим русскую официальную ноту протеста французское правительство отклонило.

К этому времени уже вовсю развернулись переговоры между европейскими державами о создании новой коалиции против Франции. Причем наибольшую активность в создании третьей коалиции проявляла Англия. К концу 1804 г. Россия договорилась с Австрией и Пруссией

о совместной защите Балтики от Наполеона. Кроме того, Австрия обещала России военную помощь в случае нападения Франции на Турцию или Неаполитанское королевство. Антинаполеоновскую конвенцию заключили Англия и Швеция.

Заключение русско-английского союза стало насущной необходимостью. Но русское правительство, помня о неудачах предыдущих союзов, когда не были обговорены цели и задачи участников коалиций, решило послать в Лондон с неофициальной миссией товарища министра юстиции Н. Н. Новосильцева, который был близок к императору. Ему была вручена инструкция Александра I, фактически составленная А. А. Чарторыйским (10, т. II, 146—151). В инструкции содержался обширный план «умиротворения» Европы, который русский император собирался осуществить с помощью Англии.

Переговоры шли трудно. Питт выдвинул свой контрпроект «европейской реконструкции», который шел в разрез планам Александра. Фактически Новосильцеву и Питту не удалось договориться ни по одному пункту будущности как Европы, так и Ближнего Востока. В одном они были едины — в стремлении поставить Францию на колени. В результате, спорные вопросы были обойдены молчанием. 30 марта (11 апреля) 1805 г. в Петербурге была подписана англо-русская конвенция «О мерах к установлению мира в Европе» (10, т. II, 368—377, 400). Конвенцией предусматривалась организация коалиции европейских государств против Франции. Несколько позже к конвенции присоединились Австрия и Пруссия.

Осенью 1805 г. возобновилась война в Европе. Французы понесли тяжелое поражение на море. 21 октября в сражении у мыса Трафальгар английский флот под командованием адмирала Нельсона уничтожил объединенный франко-испанский флот. Однако на континенте Наполеон добился решительного перевеса над союзниками. Умело маневрируя, Наполеон окружил крупные силы австрийцев в Баварии и принудил их к сдаче еще до прихода русских войск. 1 (13) ноября французы вступили в Вену. Вновь, как и в 1799 г., русские войска приняли на себя всю тяжесть войны. 20 ноября (2 декабря) в битве под Аустерлицем русские и австрийские войска потерпели поражение. Австрийцы запросили мира, кото-

рый и был заключен 14 (26) декабря 1805 г. в Прессбурге (Братислава), по которому Австрия приняла все условия, продиктованные Наполеоном. В августе 1806 г. Франц I отказался от титула императора Священной Римской империи. Третья коалиция развалилась. Из 16 германских государств был составлен т. н. Рейнский союз под началом Наполеона. Но борьба не была окончена. В сентябре 1806 г. была сформирована четвертая коалиция, в которую вошли Англия, Россия, Пруссия и Швеция. Но уже вскоре Пруссия была разгромлена, а летом 1807 г. и русские войска потерпели поражение в битве при Фридланде. Между Россией и Францией начались переговоры о мире.

АНГЛИЯ И НАЧАЛО РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ

Русско-турецкие отношения развивались на фоне усиливающегося влияния Франции на Турцию. 27 сентября (9 октября) 1801 г. в Париже был подписан прелиминарный франко-турецкий мирный договор. По договору Франция получала все свои прежние торговые привилегии в Турции. В свою очередь Наполеон признал республику Семи Соединенных островов (Ионическую республику) и пообещал вывести свои войска из Египта. Этот договор, под нажимом Англии, не был ратифицирован султаном, несмотря на давление со стороны России (5, д. 2216, л. 22—23). Не желая идти на разрыв с Англией и оказаться в изоляции в связи с франко-турецкими переговорами, русский император предложил английскому правительству продолжить франко-турецкие переговоры в Париже при двойном посредничестве России и Англии. Но англичане отказались, и 15 (27) марта 1802 г. в Амьене был подписан мирный договор между Англией и Францией, к которому примкнула и Турция. А 25 июня (7 июля) в Париже был заключен окончательный франко-турецкий мирный договор. Договор был заключен почти без участия России, что явилось серьезным ударом по ее международному положению и престижу.

В августе 1802 г. В. С. Томара был отозван из Константинополя и его сменил бывший русский посланник в Неаполе А. Я. Италинский. В инструкциях, врученных ему, вновь подтверждалось стремление России к сохранению дружественных отношений с Турцией и ее целостность.

Однако русско-турецкие отношения уже дали трещину. Причиной на этот раз было положение в Дунайских княжествах.

Генеральный консул в Яссах В. Ф. Малиновский сообщал о постоянных нарушениях Портой всех предыдущих постановлений в отношении Молдавии и Валахии. Он писал: «Оттоманская Порта забыла священные свои обязательства с Россией в рассуждении сих обоих княжеств» (10, т. I, 172). Россия была заинтересована в том, чтобы стабилизировать положение в пограничных с нею областях и укрепить здесь свое влияние, тем более, что существовала опасность проникновения сюда Франции. В результате переговоров, проходивших между Россией и Турцией, была достигнута договоренность о дополнительных статьях к хатт-ы шерифам*, которые были изданы турецким правительством в 1775—1791 гг. и определяли внутреннее устройство Дунайских княжеств. Под давлением русского правительства султан издал 12 (24) сентября 1802 г. новый хатт-ы шериф, подтверждавший привилегии княжеств. Господари Молдавии и Валахии назначались на семилетний срок и не могли быть смещены без согласия России ранее истечения срока их правления. Многие налоги и подати были отменены. Валахия освободилась от всех налогов сроком на 1 год. Хотя Турция не выполнила многие из взятых обязательств, однако заступничество России временно облегчило положение населения Молдавии и Валахии и усилило его симпатии к России.

Ограничение влияния Турции на Кавказе и Балканах сыграло значительную роль в последующем разрыве русско-турецких отношений.

Тем временем деятельность французской дипломатии, направленная на вовлечение Турции в орбиту влияния Франции, продолжалась. Французское правительство всячески стремилось разрушить русско-турецкий союз. С одной стороны оно обещало Турции помочь вернуть Крым, а с другой — угрожало новым вторжением в ее пределы. Кроме того, французские агенты распространяли слухи о якобы намечавшемся разделе турецких владений между Россией и Францией. Слухи эти так обеспокоили Оттоманскую Порту, что А. Я. Италинскому пришлось заверять турецкое правительство в их ложности и обещать помощь России в случае нападения

* Хатт-ы шериф — «августейшая грамота», султанский рескрипт.

на нее Франции (51, 255—256). Однако эти заверения не освободили турецкое правительство от опасений перед русско-французским сговором. В то же время перспектива отвоевания Крыма, с помощью Франции, соблазнила Порту. Постепенно среди многих русских дипломатов укрепилось мнение, что Франция понемногу получает преобладающее влияние в Турции и пытается развязать новую русско-турецкую войну (16, т. 66, 68—71; 5, д. 2239, л. 239). Однако Турция не была готова к войне и благоразумие победило: 11 (23) сентября 1805 г. между Россией и Турцией был заключен союзный договор сроком на 9 лет. Для того, чтобы добиться этого и сохранить свое влияние на Турцию, Россия была вынуждена во многом смягчить свой проект союза (51, 320—323, 372—374). Договор подтверждал право прохода русских военных кораблей через Черноморские проливы, привилегии Молдавии и Валахии, провозглашал закрытие Черного моря для других европейских держав. Наконец, Турция фактически признала присоединение Грузии, Мегрелии и Имеретии к России.

Ход переговоров обнажил довольно значительные расхождения по некоторым вопросам между Турцией и Россией и свидетельствовал о серьезных антирусских настроениях в Турции. Английский посол в Константинополе Арбатнот, принимавший участие в переговорах, был уверен в непрочности этого союза (72, 46).

После Аустерлицкого сражения, которое в Турции рассматривали как полное поражение России, влияние Наполеона на Оттоманскую Порту резко усилилось. В Турции надеялись, что наступают времена, когда с помощью Франции можно будет приступить к ревизии Кючук-Кайнарджийского и Ясского мирных договоров. Кроме того, Франция, получив по Прессбургскому миру Истрию, Венецианскую область, Котор (Катарро) и Далмацию, стала непосредственно граничить с Османской империей и тем самым получила весомые аргументы для политического и военного нажима на Турцию. Усилия французских агентов в Константинополе, направленные на разрыв русско-турецкого союза, стали более действенными. Хотя симптомы охлаждения в русско-турецких отношениях стали замечаться еще в 1803—1804 гг., кризис наступил в 1806 г., когда под влиянием

успехов французского оружия в Европе, турецкое правительство, вопреки представлениям русского и английского послов в Константинополе, признало Наполеона императором Франции.

Это событие произвело в Петербурге весьма неблагоприятное впечатление, однако у русского правительства не было рычагов для воздействия на Турцию. В то же время сохранить союзнические отношения с Турцией было чрезвычайно важно, и русский император предписал А. Я. Италинскому «удержать Порту в системе союза с Россией, успокоив ее на счет покушения с нашей стороны на ее пределы» (5, д. 2063, л. 3).

7 (19) января 1806 г. на Государственном Совете обсуждался вопрос о дальнейшей внешней политике России. Подавляющее большинство членов Совета пришло к мнению, что наибольшая опасность грозит Ближнему Востоку и Балканам. Было решено предупредить возможность захвата Францией Молдавии и Валахии и с этой целью придвинуть русские войска к границам княжеств, усилить связи с балканскими славянами и греками (7, т. III, ч. 2, стлб. 1149—1187). С этой же целью средиземноморская эскадра под командованием Д. Н. Сенявина 21 февраля (5 марта) заняла Котор, что позволило России получить хорошую стратегическую позицию в Адриатике и укрепило ее международный престиж.

Тем временем в российских правительственных кругах окрепло мнение, что существует реальная угроза вторжения французов в пределы Османской империи. А. А. Чарторыйский считал, что для предупреждения вторжения французских войск в Турцию необходимо сохранить под русским контролем Ионические острова, привести в полную боевую готовность русскую эскадру в Средиземном море, добиться усиления влияния в Греции, Албании, Черногории, Герцеговине, Боснии, Сербии, Истрии, Далмации, сосредоточить русские войска у границ Молдавии (16, т. 82, 244—278).

Отношения с Турцией ухудшались с каждым днем. Французские агенты разжигали в Константинополе рваншинские настроения, тем более, что связь России с балканскими славянами, концентрация русских войск на Ионических островах, проход русских военных кораб-

лей через проливы вызывали беспокойство турецкого правительства. С февраля 1806 г. турки начали перебрасывать свои войска на русскую границу и укреплять крепости Хотин и Измаил. Тогда же Александр I предписал своим дипломатам в Константинополе сообщить турецкому правительству, что Россия готова защищать Порту от любого иностранного вторжения и потребовать, чтобы Турция отклонила все притязания Наполеона и осталась верной союзу с Россией, предупредив, что в случае враждебных действий Турции, русские войска займут Молдавию (10, т. III, 76).

Летом 1806 г. французским послом в Константинополь был послан генерал О. Себастиани, который благодаря объективным причинам и личным качествам вскоре добился здесь господствующего влияния. Новому послу вменялось в обязанность добиться союза Франции с Турцией и Ираном, направленного против России, подорвать русское влияние в Дунайских княжествах и т. д., причем ему предписывалось намекнуть турецкому правительству на возможность возвращения Крыма и овладения Закавказьем после успешной франко-турецкой войны против России. Французы пытались убедить турецкое правительство, что в настоящее время Турции была бы выгодна война с Россией (10, т. III, 116).

Особую опасность для России представляла активизация Франции на Балканах. Положение усугублялось тем, что в апреле 1806 г. между Австрией и Францией была заключена конвенция о проходе французских войск из Италии в Истрию и Далмацию через территорию Австрии, следовательно, появилась реальная угроза оккупации французами Дунайских княжеств. В июле 1806 г. командующим французскими войсками в Далмации был назначен генерал Мармон, который вскоре перешел к открытым наступательным действиям против русских отрядов, находящихся в Адриатике. В то же время стало известно о намерении Наполеона увеличить численность своих войск в Далмации до 40 тыс. человек, и Чарторыйский считал, что немедленное вторжение в Дунайские княжества — наиболее действенное средство предупредить замыслы Наполеона. При невозможности выполнения этого радикального способа он предлагал, чтобы Англия и Россия начали сепаратные переговоры о

мире с Францией, поскольку последняя не соглашается вести переговоры с ними одновременно, но добавлял, что Англия и Россия будут секретно согласовывать между собой все обсуждаемые вопросы (10, т. III, 171). Однако английское правительство отказалось вести сепаратные переговоры с Францией, и вопрос о заключении «всеобщего мира» зашел в тупик. В начале июля во Францию для переговоров с Наполеоном был направлен бывший поверенный в делах в Париже П. Я. Убри, который 8 (20) июля подписал с генералом Кларком мирный договор. Однако этот договор был признан «несовместимым с достоинством России» и не был ратифицирован русским императором.

В своих попытках остановить рост влияния Наполеона на Турцию российское правительство надеялось на помощь других держав, особенно Англии. Еще в конце 1803 г. английскому правительству было сделано предложение принять совместные меры для защиты Балкан от наполеоновской агрессии. Несколько позже А. Чарторыйский предложил русскому императору план совместных русско-английских мероприятий, который должен был парализовать усилия Наполеона утвердить свое влияние на Ближнем Востоке. Н. Н. Новосильцеву, направленному в Лондон осенью 1804 г. для переговоров о создании третьей коалиции против Франции, было поручено еще раз предложить английскому правительству план совместных акций Англии и России против Наполеона на Ближнем Востоке и в случае успеха прозондировать почву насчет возможности создания на Балканах греческой и славянской республик «под сюзеренитетом обеих империй (России и Турции), наподобие Республики Семи островов» (10, т. II, 152).

Однако все эти демарши были встречены в Лондоне крайне неодобрительно. Там решили, что Россия решила оккупировать часть территорий Османской империи и усмотрели в активизации России на Ближнем Востоке угрозу интересам Британской империи.

Тем временем французская дипломатия продолжала успешно действовать в Константинополе. Превознося успехи французской армии, французские дипломаты убеждали Диван, что могущество России окончательно подорвано и для Турции наступил благоприятный мо-

мент вытеснить Россию из Крыма и Кавказа. Наполеон готовился нанести удар Пруссии и ему необходимо было отвлечь вооруженные силы России от западной границы и окончательно связать ее войной на юге.

Усилия наполеоновских дипломатов увенчались успехом. Первым открытым ударом по русско-турецкому союзу было решение турецкого правительства сместить господарей Молдавии и Валахии А. Мурузи и К. Ипси-ланти, что противоречило положению Ясского мира, подтвержденному хатт-ы шерифом султана в 1802 г. Вместо старых господарей были назначены ставленники Наполеона кн. Калимаки и кн. Суццо. Новым сильнейшим ударом по союзу было решение Турции закрыть проливы Босфор и Дарданеллы для русских военных кораблей (5, д. 2259, л. 59—64). Оттоманская Порта мотивировала свое решение тем, что проход русских военных кораблей через проливы якобы нарушает нейтралитет Турции и может спровоцировать Францию напасть на нее. Таким образом кратчайшие коммуникации между Черноморскими портами и русскими базами в Средиземноморье были перерезаны. Решение Турции закрыть проливы для русских военных судов противоречило 4-й секретной статье русско-турецкого союзного договора от 11 (23) сентября 1805 г.

Обострившаяся военно-политическая обстановка на Балканах и Ближнем Востоке вынудила русского императора форсировать события. Турецкому правительству были вручены ноты, в которых содержались ультимативные требования соблюдать условия союзного договора. В противном случае Турции грозили военными действиями. В ответ на ультиматум Порты согласилась восстановить господарей Молдавии и Валахии.

В упоминавшейся ранее работе П. Шаппа приводится донесение английского посла в Константинополе Арбатнота Хоуику от 24 марта (6 апреля) 1807 г., в котором говорится, что турецкое правительство тайно соглашалось разрешить русским военным кораблям проходить через проливы, возобновить с Россией союзный договор, соблюдать обязательства относительно Молдавии и Валахии и признать смену господарей незаконным действием (72, 168—169). Таким образом, фактически все требования России, изложенные в нотах, Турция согла-

шалась выполнить. Но России уже было необходимо не только разрешить все спорные вопросы с Турцией, но и вовсе лишить Францию ее влияния на Османскую Порту. Кроме того, Александру I стало известно о планах Наполеона оккупировать французскими войсками Дунайские княжества (51, 442—443).

Нужно было опередить Наполеона и 15 (27) октября 1806 г. Александр I приказал главнокомандующему Молдавской армией И. И. Михельсону занять Молдавию и Валахию. 11 (23) ноября русские войска перешли Дунай.

В ноябре 1806 г. возобновилась и война России с Францией.

В циркулярной ноте министерства иностранных дел главам дипломатических представительств в С.-Петербурге от 23 октября (4 ноября) 1806 г. говорилось, что правительство Турции, поддавшееся под влияние Наполеона, ведет себя враждебно по отношению к России, грубо нарушает существующие между Россией и Турцией соглашения, осуществляет военные приготовления, а Франция, пользуясь слабостью Османской империи, стремится распространить свое владычество на всю Европу. В этих условиях Россия считает нужным принять меры для ограждения своих границ и защиты балканских народов, заняв своими войсками Молдавию и Валахию. В ноте отмечалось, что Россия не ставит перед собой цели уничтожения Порты, а лишь желает побудить ее соблюдать заключенные между Россией и Турцией договоры.

К концу ноября 1806 г. русскими войсками были заняты Дунайские княжества. Сообщая об этом поверенному в делах в Лондоне П. А. Николаю, министр коммерции Н. П. Румянцев добавлял, что сохранение Османской империи соответствует политическим интересам Александра I (5, д. 6806, л. 24). И действительно, Александр I надеялся, что занятие княжеств не приведет к войне с Турцией и пытался представить эту акцию как превентивную против Франции. Да и сами турки колебались с объявлением войны после занятия княжеств русскими войсками. Внутреннее положение в империи было чрезвычайно шатким: паши вели себя независимо

от султана, с февраля 1804 г. продолжалось восстание в Сербии под руководством Кара-Георгия, янычары больше слушались своих пашей, чем султана. Однако под давлением Франции 18 (30) декабря 1806 г. Турция официально объявила войну России, которой было суждено продолжаться с перерывами более пяти лет. В то же время Франция упорно добивалась заключения союза Ирана с Турцией, с целью создания единого фронта борьбы с Россией на Кавказе (8, т. III, 95). Положение усугублялось тем, что одновременно, уже третий год, продолжалась война России с Ираном. Наполеон решительно хотел связать Россию войнами на юге, чтобы безраздельно хозяйничать в Европе.

Кризис в русско-турецких отношениях диктовал необходимость совместных действий русского и английского послов в Константинополе. Правда, позиции последнего там значительно ослабели, особенно после отказа Турции возобновить англо-турецкий союзный договор, переговоры о котором начались еще в конце 1804 г. Для России было чрезвычайно важно добиться политической, финансовой и военной поддержки Англии. Однако с такой поддержкой английское правительство не торопилось. С одной стороны оно боялось чрезмерного усиления России на Балканах в случае успешной войны с Турцией, а с другой — стремилось, воспользовавшись моментом, упрочить свое положение там и взять под контроль русскую политику на Востоке. Если еще в 1804 г. глава английского правительства Гауксбери предписывал английскому послу в Константинополе У. Драммонду поддерживать А. Я. Италинского в его действиях, то после вступления русских войск в Молдавию и Валахию новый английский посол Арбатнот требовал от Михельсона немедленного вывода русских войск из княжеств (42, 123—124, 130—131). Определенную роль в позиции англичан сыграло и то, что после смерти У. Питта, непримиримого противника Наполеона, в январе 1806 г. в новом английском правительстве, возглавлявшимся лордом Гренвилем, пост статс-секретаря по иностранным делам занимал глава вигов Ч. Д. Фокс, который выступал за мир с Францией. После смерти Фокса (август 1806 г.) новый статс-секретарь по иностранным делам Ч. Хоуик (лорд Грей) предписывал в ноябре 1806 г. Ар-

батноту принять меры к тому, чтобы Турция приняла русские условия. Однако было уже поздно.

Анализ обстановки в Константинополе в то время позволяет предположить, что в случае своевременного и активного вмешательства Англии в русско-турецкий конфликт многолетняя русско-турецкая война могла быть предотвращена.

В конце ноября 1806 г. к Константинополю была послана небольшая английская эскадра под командованием Т. Лунса; единственным практическим результатом этой экспедиции было то, что в конце января 1807 г. англо-турецкие отношения были разорваны. Тогда же Босфор был закрыт и для торговых кораблей иностранных держав, что было серьезным ударом для русской черноморской торговли.

К концу 1806 г. русское правительство, испытывавшее серьезные финансовые трудности в связи с крупными военными расходами, попросило у Англии заем на сумму 6 млн. ф. ст. Переговоры об условиях займа тянулись с ноября 1806 г. по июнь 1807 г. в С.-Петербурге и Лондоне. Русское правительство настаивало на немедленном предоставлении в счет «будущего займа» 1 млн. ф. ст. А. Я. Будберг, сменивший А. А. Чарторыйского на посту министра иностранных дел, писал П. А. Николаи в Лондон, что необходимо поторопить английское правительство в вопросе о займе. «Может случиться, что из-за нехватки денег все благородные усилия будут частично парализованы, и только от Лондонского двора будет зависеть предотвращение досадных событий», — писал он (5, д. 6804, л. 2). Однако Гренвиль заявил, что в Лондоне «не допускают даже и мысли о том, чтобы предоставить какую-то сумму в счет еще не существующего займа» (10, т. III, 718—719). Переговоры не привели ни к каким результатам.

Справедливости ради необходимо добавить, что экономическое положение самой Англии в то время было не блестящим. Оно усугублялось известным берлинским декретом Наполеона от 9(21) ноября 1806 г. о блокаде «Британских островов», по которому всем подвластным и «союзным» Франции государствам запрещалось вести торговлю с Англией. Но Англия ответила на «декрет» морской контрблокадой Франции и ее союзников и про-

должала контрабандным путем ввозить товары даже во Францию.

Отказываясь от экономической помощи своему важнейшему союзнику, Англия в то же время настойчиво добивалась от России удовлетворения своих торговых интересов. В конце 1806 г. — начале 1807 г. между Англией и Россией велись переговоры о возобновлении торгового договора 1797 г. Английское правительство заявило, что возобновление этого договора (кстати сказать, более выгодного для Англии, чем для России) служит не только торговым интересам Англии, но имеет значение для формирования общественного мнения страны, и отказ возобновить договор может быть причиной охлаждения в англо-русских взаимоотношениях (10, т. III, 736). Русское правительство настаивало на значительных изменениях в условиях русско-английской торговли, а пока соглашалось продлить договор на 2 года, но при условии, если это торговое соглашение не будет противоречить манифесту Александра I от 1 января 1807 г., дающего торговые льготы русскому купечеству. Русское правительство попыталось поставить заключение нового торгового договора в зависимость от активности английских вооруженных сил на континенте, однако английское правительство на это не соглашалось, и новый договор так и не был заключен.

В конце 1806 г. — начале 1807 г. Россия решительно потребовала от Англии активного участия в военных действиях на континенте — высадки десанта на северном побережье Франции, в Голландии или в Северной Германии. Однако английский отряд в 500 человек высадился на шведском острове Рюген только в июне 1807 г. — за два дня до подписания Тильзитского мира. В сентябре 1807 г. этот отряд был использован для нападения на Копенгаген.

К началу 1807 г. относится и серьезная английская попытка оказать реальный военный нажим на Порту с целью заставить ее порвать с Францией.

Русское правительство добивалось от Англии участия в совместной военной демонстрации в Мраморном море. Арбатнот поддерживал эту идею. В октябре 1806 г. английское правительство уведомило Россию о своем решении послать английскую эскадру в Дарданеллы с целью

проведения там военной демонстрации. После вступления русских войск в Дунайские княжества Арбатнот потребовал от Турции разрешить английской эскадре занять Дарданеллы до заключения мира с Россией. Это требование было отвергнуто, как и требование заключить союз с Россией и Англией и удалить Себастиани. После отклонения этих требований Арбатнот покинул Константинополь. Наступил момент для применения силы.

Осуществление военной демонстрации было возложено на эскадру адмирала Дакуорта, которая была сосредоточена у острова Тенедос (ныне Бозджаада), недалеко от Дарданелл. С русской стороны предполагалось, что в операциях примет участие русская эскадра под командованием Сенявина. Последний уже двигался по направлению к о. Тенедос. Однако, 7 (19) февраля 1807 г. Дакуорт, не дожидаясь русских, поднял якоря и направился к Дарданеллам. Его эскадра состояла из 7 линейных кораблей, 2 фрегатов и 2 брандеров. В тот же день эскадра Дакуорта прошла через слабо защищенный турками Дарданелльский пролив и подошла к Константинополю. В столице началась паника, и французского посла предупредили, что ему, по-видимому, придется выехать из Турции (5, д. 6807, л. 100 и об.).

9 (21) февраля Арбатнот вручил турецкому правительству ультиматум, в котором требовал выслать из Константинополя французского посла, восстановить мирные отношения с Россией и Англией, подтвердить право русских военных кораблей проходить через проливы Босфор и Дарданеллы, возвратить Англии все английские суда, находящиеся под арестом в турецких портах и отозвать гарнизоны дарданелльских фортов, которые до заключения мира будут заняты английскими гарнизонами (32, 114). В случае невыполнения условий ультиматума Дакуорт грозил разрушить город. Турецкое правительство колебалось. Вполне вероятно, что решительные действия английского командования принудили бы Порту удовлетворить эти требования. Наиболее действенным средством была бы высадка английского десанта и занятие ключевых позиций в проливах.

Располагали ли англичане войсками, необходимыми для десанта? Многие исследователи и советские — в том

числе такие авторитеты, как А. М. Стаиславская, А. Л. Шариро и английские — например, П. Макези, В. Парнер и Н. Соул — считают, что десантные войска у Дакуорта отсутствовали. Однако обнаружены материалы, которые опровергают это мнение. Так, в донесении из Палермо российского посланника в Королевстве Обеих Сицилий Д. П. Татищева послу в Лондоне Н. А. Николаю от 11 (21) февраля 1807 г. в частности говорится, что перед отплытием в Турцию на английскую эскадру в Мессине было погружено 6 тыс. солдат (5, д. 6806, л. 39). Косвенно это сообщение Татищева подтверждается и тем, что после неудачи в Константинополе английская эскадра направилась прямо в Египет и там с английских кораблей был высажен 7-тысячный десант. Кроме того, направленный на Восток со специальной миссией русский дипломат Поццо-ди-Борго писал А. Я. Будбергу: «Я видел бесплодную попытку англичан в Константинополе, что является еще одним доводом удвоить усилия против столицы (Константинополя — Д. Г.), чтобы заставить Диван подписать справедливые условия союзников, и *английские войска, отправившиеся из Мессины* (курсив мой. — Д. Г.), — эффективное средство добиться намеченной цели» (5, д. 1902, л. 14).

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что в распоряжении англичан были наличные силы для решительных действий. Однако вместо того, чтобы развить успех, английское командование проявило непонятную медлительность. Оно слало Порте ноты, одну за другой, каждый раз при этом сокращая свои требования. Тем временем вокруг Константинополя при содействии французских инженеров спешно сооружались укрепления и Дакуорту в ночь на 18 февраля (2 марта) пришлось спешно покинуть Константинопольский рейд для того, чтобы сохранить свою эскадру. Причем при вторичном прохождении Дарданелл англичане потерпели значительный урон — на английских кораблях было 42 человека убито, 235 ранено и 4 пропали без вести.

Оправдывая свое решение об отступлении, Дакуорт утверждал, что к моменту отхода «вся береговая черта представляла собой сплошную цепь батарей». Турецкая эскадра из 12 линейных кораблей с экипажами и двухсоттысячная армия были готовы к бою. Защищая свое

решение, Дакуорт утверждал, что промедли он еще одну неделю, английские корабли не смогли бы пробиться назад (5, д. 4046, л. 400—401).

Французские биографы Себастиани чрезвычайно раздули роль французского посла в организации обороны Константинополя. В данном случае, видимо, прав де Сен-Дени, автор 4-томной «Истории Оттоманской империи», изданной в Париже в 1844 г., который в начале русско-турецкой войны был начальником инженерных укреплений в Турции и отвечал за оборону Босфора, Дарданелл и столицы Порты. Им был составлен проект фортификационных сооружений для обороны проливов, который не был ранее осуществлен ввиду большой стоимости работ. Он описывает, как в критические дни все население днем и ночью работало над возведением батарей и даже сам султан, забыв про этикет, непосредственно следил за ходом работ. Работами руководил отличающийся умом и энергичностью Исмаил-паша. Увидев размах работ, Себастиани предложил свое содействие и содействие бывших при нем французских инженеров. Таким образом, воспоминания Сен-Дени противоречат созданному впоследствии мифу о «неукротимом» и «сверх энергичном» Себастиани, который чуть ли не один спас Константинополь.

В результате английская экспедиция окончилась неудачей. Нерешительные действия англичан не только позволили Себастиани остаться в Константинополе, но еще больше укрепили влияние Франции на Оттоманскую Порту. Помимо нерешительности и выжидательной тактики английского командования причиной неудачи экспедиции были и слишком жесткие условия, предъявленные Порте. А. Я. Будберг писал Михельсону: «По случаю известия о проходе английского флота под начальством адмирала Дакуорта через Дарданеллы, государь никак не одобряет чрезмерных требований английского посла о занятии, до общего мира, Дарданелл английскими, Молдавии же и Валахии российскими войсками. Посему государь желает, дабы это неудовольствие доведено было до сведения турецкого правительства и поручает без отлагательства уведомить Порту, что коль скоро решится она отпустить французского посла Себастиани, возобновит союзный трактат свой с Англией и

восстановит в полной силе все постановления, существовавшие между ей и Россией, то государь согласен вывести войска из княжеств и стараться отвлечь Англию от требований своих к занятию какой-либо части турецких владений» (5, д. 6807, л. 23 об.). Офицер эскадры Сенявина В. Броневский писал: «Сею бесполезною экспедицією англичане имели в виду предостеречь турок от нас, открыть им глаза и уверить, что Дарданеллы их непроходимы» (9, ч. III, 16—17).

Экспедиция Дакуорта наглядно показала, что в политике Великобритании в отношении России борются две тенденции — признание необходимости совместной борьбы с Наполеоном и нежелание усиления России на Ближнем Востоке.

Еще в декабре 1806 г. управляющий министерством военно-морских сил П. В. Чичагов доносил Александру I, что командование английской эскадрой в Средиземном море не столько пытается помочь России, сколько под видом помощи ей стремится усилить свое собственное влияние на Ближнем Востоке (16, т. 82, 480—485).

Подводя итоги политики англичан в Турции, Будберг немного позднее писал: «Факты показали, что Британский кабинет захотел играть первую роль в этом деле (русско-турецком конфликте), в котором за ним со всех точек зрения считалась роль второстепенная, а результат, к несчастью, в точности совпал с несолидностью такого принципа. Как немедленное следствие этой неверной меры мы, главным образом, наблюдаем чрезвычайное увеличение влияния Себастиани в Константинополе и возврат Венского Двора к бездействию и нерешительности, из которых нам стоило столько труда его вытянуть до известной степени» (5, д. 6807, лл. 89—90).

Неудачная экспедиция вызвала недовольство политикой кабинета Гренвиля. В марте 1807 г. Гренвиля сменил Портленд (тори). Дж. Каннинг, сменивший на посту министра иностранных дел Хоуика, в беседе с находящимся со специальной миссией в Лондоне М. М. Алопеусом рассказал о больших потерях и материальном ущербе, понесенными Англией вследствие «непонятной и бессмысленной экспедиции, направленной против Константинополя» и заявил, что за все это в ответе прежний министр иностранных дел и что «против него следо-

вало бы возбудить публичный процесс, но это может скомпрометировать короля» (5, д. 6810, л. 71).

Ведь результат этой экспедиции мог быть совершенно иным, если бы английская и русская эскадры действовали совместно. Однако Арбатнот не дождался эскадры Сенявина, хотя и знал, что она направляется к Тенедосу. Прибыв к месту назначения, Сенявин уже не застал англичан, и ему удалось захватить остров Тенедос, который являлся ключевой позицией в этом районе.

23 февраля (7 марта) русская и английская эскадры встретились у Тенедоса. Сенявин предложил Дакуорту совершить вторично, но уже совместный поход к Константинополю, на что английский адмирал ответил отказом, мотивируя его тем, что «с одними морскими силами без нарочитого числа десантных войск всякое покушение на Константинополь будет безуспешно» (5, д. 1908, лл. 11, 30). Русский адмирал начал подумывать о новой диверсии против Турции силами русской эскадры, но Александр I категорически запретил ему рисковать «разве бы по непредвиденным каким-либо обстоятельствам можно было надеяться на верный и решительный успех» и для того, чтобы склонить Турцию к миру, предписывал организовать «наистрожайшую блокаду устья Дарданелл таким образом, чтобы никакое судно, под каким бы то флагом и предлогом ни было, не могло пробраться в Константинополь» (5, д. 1907, л. 7—8).

После неудачной демонстрации в Мраморном море эскадра Дакуорта была направлена в Египет. Войска, погруженные на английские корабли и бездействовавшие во время операции против Константинополя, были использованы для захвата Александрии. Из этого можно сделать вывод, что экспедиция Дакуорта была направлена к Константинополю с целью попытаться утвердить здесь английское влияние, а в случае неудачи — предусматривалась оккупация Египта.

После неудачи Дакуорта стало очевидным, что обе державы — Англия и Россия — должны начать переговоры с Турцией о заключении мира. Русское правительство добивалось консолидации усилий русских и английских дипломатов в примирении с Портой. В случае, если не удастся найти общий язык с англичанами, в отношении требований к Турции, то предусматривалось

каждой державе вести переговоры сепаратно. Именно так и произошло: обе державы вступили в переговоры с Турцией обособленно.

С русской стороны для ведения переговоров был направлен корсиканец-эмигрант К. О. Поццо-ди-Борго, ставший к этому времени полковником русской армии. Он был прикомандирован к эскадре Сенявина и последнему поручалось блокировать Дарданеллы: русское правительство считало, что блокада заставит Турцию быть более сговорчивой и подписать мир с Россией. Эта надежда была столь прочной, что Поццо-ди-Борго были предоставлены полномочия не только на переговоры, но и на подписание предварительного мирного договора. Ему поручалось действовать в тесном контакте с английским послом Арбатнотом (5, д. 1901, лл. 2—16).

12 (24) марта 1807 г. А. Я. Будберг обратился к Поццо-ди-Борго с письмом, в котором подчеркивал необходимость нейтрализовать турецкое правительство. Для этого министр иностранных дел предлагал напомнить правящим кругам Турции о тех выгодах, которые последняя имела от союза с Россией и Англией. Эти выгоды русский представитель должен был противопоставить поведению Франции, которая вторглась в Египет, оккупировала Далмацию и т. д. Другим эффективным средством воздействия должно было стать разоблачение пропаганды Себастиани, внушившего туркам мнение о всемогуществе Бонапарта, о непобедимости его оружия и об абсолютной невозможности ему противостоять. Необходимо, считал Будберг, чтобы в Константинополе узнали об истинном положении вещей на фронтах сражений между русскими и французскими армиями и дать верную картину современного положения (5, д. 1901, лл. 6—7).

К письму Будберга прилагался проект мирного договора, который должен был послужить основой для переговоров с Турцией. В нем наряду с немедленным прекращением войны предлагалось подтвердить все конвенции и договоры, которые существовали до войны между Россией и Турцией, а также союзные Турции с Россией и Англией. Эти державы со своей стороны гарантируют неприкосновенность Османской империи. Обе державы должны были заставить Францию отказаться от Далма-

ции, «судьба которой будет решаться Россией и Блистательной Портой».

Для заключения окончательного мирного договора Россия и Турция должны были направить своих представителей в Яссы.

Для ведения мирных переговоров с Турцией английское правительство направило в эскадру Дакуорта бывшего британского посла в Вене А. Пейджета, который прибыл на остров Тенедос в конце июля 1807 г. в качестве полномочного представителя Англии «для обсуждения мира между Портой и Россией». Он должен был действовать согласованно с Поццо-ди-Борго, и в то же время английское правительство надеялось побудить Россию отказаться от территориальных приобретений за счет Турции (72, 442).

Обе миссии — русская и английская — оказались безрезультатными. Турки категорически отказались заключить сепаратный мир с Россией без Франции и соглашались на переговоры только при условии, что Порте будет возвращен Крым и Россия не будет вмешиваться в дела Молдавии и Валахии. Одновременно турки требовали, чтобы Россия отказалась от протектората над Ионической республикой и оплатила военные расходы Порты.

Та же судьба постигла и миссию Пейджета. В конце августа 1807 г. из Константинополя сообщали, что Пейджет, «находящийся на английской эскадре, сделал несколько мирных предложений Порте перед тем, как было получено здесь известие о заключении перемирия между Россией и Францией, но эти предложения были отклонены Портой по совету генерала Себастиани» (5, д. 10751, л. 136).

2 (14) июня 1807 г. в сражении с французами при Фридланде русские войска потерпели поражение. Продолжение войны с Францией было не только бесперспективно, но и опасно — французские войска непосредственно угрожали границам России. На этот раз мнение о необходимости мира с Францией в русских правительственных кругах было почти единодушным.

9 (21) июня 1807 г. в Тильзите было подписано русско-французское соглашение о перемирии.

Вице-адмиралу Сенявину было предписано воздержаться от всяких наступательных действий против турок, а также против судов под французским, итальянским и неаполитанским флагами.

Объясняя заключение русско-французского перемирия, А. Я. Будберг писал послу в Вене А. К. Разумовскому, что «будучи покинута теми, кто, казалось бы, более всего заинтересован принять участие в борьбе, принятой ради независимости всей Европы, не получая никакой поддержки от своих союзников, Россия оказалась в изоляции и сражается одна (силы Пруссии почти полностью уничтожены в самом начале войны и не могут идти в счет) не только против Франции, но и против всей Южной Европы, управляемой Бонапартом и вовлеченной им в столь противную ее интересам войну. К огромным ресурсам этих стран присоединяются еще ресурсы большей части Германии и почти всей Прусской монархии, которые глава Франции весьма широко использует» (10, т. IV, 552—553). Обвиняя правительство Гревилля, Дж. Каннинг говорил: «В прежние времена мы могли бы сказать, что нас покинули, оставив воевать одних, но сейчас мы сами предали континент» (10, т. IV, 557—558).

В новой обстановке терял смысл союз с Англией. 18 (30) июня английскому правительству было официально заявлено о выходе России из войны, а 25 июня (7 июля) в результате личного свидания императоров Александра I и Наполеона I в Тильзите был подписан русско-французский договор о мире и дружбе и тайный русско-французский договор о наступательном и оборонительном союзе.

В Петербурге условия Тильзитского мира были встречены недоброжелательно, он был невыгоден экономически и унижителен политически. Многие государственные деятели не верили в долговечность союза с Францией. Но мир был положительно необходим России. Война на нескольких фронтах подрывала экономику России, нужна была передышка, чтобы стабилизировать внутреннее положение и побыстрее закончить войны с Ираном и Турцией.

После подписания русско-французского мирного договора в Тильзите русское правительство предложило

Англии свое посредничество в примирении с Францией. Дж. Каннинг соглашался на русское посредничество, но при условии, что английскому правительству сообщат все статьи русско-французского договора и предоставят неоспоримые доказательства «готовности Франции заключить почетный для Англии мир» (16, т. 89, 125—126).

Ознакомить английское правительство с положениями русско-французского договора о мире и дружбе, а тем более со статьями русско-французского договора о наступательном и оборонительном союзе и представить доказательства «готовности Франции заключить почетный для Англии мир» русское правительство не могло, и вопрос о мире между Англией и Францией повис в воздухе.

Поздней осенью 1807 г. свое посредничество в примирении Англии с Францией предложила Австрия. Наполеон соглашался вести переговоры в Париже, англичане возражали; австрийский посол в Лондоне Штаремберг покинул Англию, и дипломатические отношения между Австрией и Англией были прерваны.

Весной 1807 г. турецкая армия пыталась активизировать действия. Во главе с великим визирем она выступила из Константинополя в Дунайские княжества, но с самого начала потерпела ряд поражений. В Эгейском море турецкий флот был разгромлен эскадрой адмирала Сенявина. На Кавказском театре военных действий успех также сопутствовал русским.

Воспользовавшись военными неудачами правительства и волнениями янычар, недовольных реформами Селима III, реакционные круги организовали 25—29 мая в Константинополе бунт янычар. Селим III был свергнут, на престол взошел новый султан — Мустафа IV. Многие сторонники реформ были казнены, уцелевшие бежали в Рушук, где создали политическую организацию «рушукские друзья» под покровительством местного пашы Мустафы Байрактара (37, гл. 5).

После свержения Селима III военные действия продолжались неудачно для турок и к июлю вся Валахия была уже в русских руках. В это время было получено известие о свидании Александра I с Наполеоном в Тильзите и приказ русской армии воздержаться от решительных военных действий против Порты.

В Тильзите Наполеон принял на себя посредничество в примирении России с Турцией и 1 (12) августа 1807 г. в Слободзее начались переговоры о перемирии, предусмотренные XXII и XXIII статьями русско-французского мирного договора. С русской стороны в переговорах участвовал старый русский дипломат С. Л. Лашкарев, с турецкой — бывший министр иностранных дел Галиб-эфенди, в качестве посредника на переговорах находился французский полковник Гильемино, всячески поддерживавший турецких уполномоченных. 12 (24) августа были подписаны условия перемирия, которые Лашкарев направил для ратификации главнокомандующему Дунайской армией. Договор о перемирии состоял из 7 статей. Он предусматривал перемирие до 3 (15) апреля 1808 г. (при условии, если до этого срока мир между Россией и Турцией не будет заключен), вывод русских и турецких войск из Молдавии и Валахии в 35-дневный срок и возвращение турецких кораблей, захваченных русскими моряками. Генерал К. И. Мейендорф, заменивший скоропостижно скончавшегося Михельсона, утвердил условия перемирия, не дождавшись инструкции из Петербурга и отдал приказ русским войскам покинуть пределы княжеств, чем навлек на себя недовольство Александра I. Царь отказался ратифицировать условия перемирия и обвинил Лашкарева в «недостатке предусмотрительности», а Мейендорфа — «в превышении своих полномочий». Вскоре Мейендорф был отстранен от командования Дунайской армией, а тайный советник Лашкарев отозван. В основном недовольство русского императора было вызвано третьим пунктом перемирия, обязывавшим русские войска покинуть Дунайские княжества, что ставило их в невыгодное положение в случае возобновления военных действий. Официальной причиной отказа от ратификации условий договора русское правительство выдвигало факт захвата турками крепости Галац после оставления ее русскими войсками, из которого делался вывод о «невозможности полагаться на обязательства Порты, которые она способна в любое время нарушить» (16, т. 89, 219). Александр I предписал Михельсону (в Петербурге еще не знали о его смерти) ни в коем случае не выводить русские войска из Дунайских княжеств. Но было уже поздно. В конце сентября

А. А. Прозоровский писал Александру I, что Мейендорф, ратифицировав условия перемирия, «поспешил выйти с войсками из Молдавии и Валахии, снял посты с важнейших пунктов на островах реки Дуная и из крепостей Бендер и Кишин, разрыл починенные и прибавленные нами укрепления» и выслал почти всю милицию (5, д. 1915, л. 31).

2 (14) сентября 1807 г. в Узум Килиши было подписано соглашение о перемирии между русскими и турецкими войсками на Кавказском фронте.

Ярый противник Селима III Таяр-паша, бежавший в 1805 году в Россию, с восшествием на престол Мустафы IV был возвращен в Турцию и возведен в визирское достоинство. Он предложил России заключить мир с Турцией на условиях соблюдения всех «актов и договоров, какие до разрыва мира были поставлены и утверждены». Но на войну было затрачено слишком много средств и эти условия уже не могли удовлетворить русское правительство. Александр I стремился обладать Молдавией и Валахией, чтобы создать «буферную зону» между Россией и Францией, оправдать в общественном мнении Тильзитский договор и доказать, что союз с Францией представляет «кое-какие выгоды» России.

В ноябре Наполеон предложил перенести мирные переговоры между Россией и Турцией в Париж. Александр I согласился — он надеялся при посредничестве Наполеона заключить в Париже мирный договор с Турцией на условиях приобретения Россией Дунайских княжеств. Полномочия на заключение мира были даны русскому послу в Париже П. А. Толстому.

После Тильзита английское правительство пыталось еще некоторое время сохранить русско-английский союз. В октябре в Петербург с секретной миссией прибыл английский офицер Роберт Вильсон, которому поручалось предотвратить разрыв между Англией и Россией. Но Александр I его не принял, а 26 октября (7 ноября) была обнародована декларация о разрыве с Англией.

Поводом к разрыву послужил отказ Англии от посредничества России в заключении мира с Францией и бомбардировка Копенгагена английской эскадрой. Английский посол был выслан из России, а на английские суда и товары наложено эмбарго.

По возвращении Р. Вильсона в Лондон Дж. Каннинг объявил М. М. Алопеусу о разрыве между Англией и Россией, но «позволил ему оставаться в Лондоне сколько угодно» (5, д. 6810, л. 105).

Следствием Тильзитского соглашения и разрыва с Англией явилась передача Котора и Ионических островов Франции — Россия потеряла важные стратегические позиции в Восточном Средиземноморье. Эскадра Сенявина оказалась в угрожающем положении. Пострадал престиж России на Балканах. Осложнилось заключение мира с Турцией. Не исключалась даже возможность совместных военных действий Турции и Англии против России (5, д. 2064, лл. 232—233).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ В 1808—1810 гг.

Русско-французское соглашение, заключенное в Тильзите, существенно изменило расстановку сил в Европе.

Одной из проблем, которые настойчиво требовали решения, были отношения со Швецией. Нейтралитет этой страны был сильно окрашен проанглийской ориентацией. Отказ присоединиться к континентальной блокаде делал ее одной из важнейших брешей в блокаде Англии. Для того, чтобы сделать эту блокаду действенной, Швецию следовало заставить в нее включиться. Министр иностранных дел Н. П. Румянцев в ноябре 1807 г. обратился к Александру I с «запиской» (10, т. IV, 119—121), в которой заявлял, что Швеция в настоящий момент придерживается английской ориентации и советовал русскому императору «принудить шведского короля действовать совместно с Вами или же открыто выступить против Вас».

30 декабря 1807 г. (11 января 1808 г.) Н. П. Румянцев обратился с нотой к шведскому послу в Петербурге Стедингу, в которой ультимативно требовал присоединения Швеции к континентальной блокаде против Англии. После того, как Швеция отвергла это требование, в феврале 1808 г. русские войска вступили в Финляндию. Официальная декларация Александра I о войне со Швецией была опубликована только 16 (28) марта 1808 г. В ней говорилось, что война вызвана отказом Швеции выступить на стороне России и Франции против Англии и объявлялось о присоединении Финляндии к России. Война развивалась удачно для России и 17 (29) сентября 1808 г. было заключено перемирие между русскими и шведскими войсками «на неограниченный срок». 5 (17) сентября 1809 г. во Фридрихсгаме

был подписан русско-шведский мирный договор. По договору Финляндия была присоединена к России, а Швеция примкнула к континентальной системе. Так закончилась эта война, в значительной мере инспирированная Наполеоном.

В 1808 г. Александр I принял предложение Наполеона провести еще одну встречу для согласования политики обеих держав. Впрочем, царь согласился на это с большой неохотой, ибо был крайне недоволен политикой Наполеона в Пруссии, Польше и на Востоке. Встреча императоров состоялась в Эрфурте в последних числах сентября 1808 г. и продолжалась более двух недель. Здесь в последний день сентября (12 октября) 1808 г. между двумя державами была заключена конвенция. Свидание в Эрфурте свелось к показной демонстрации союзнических отношений.

Наполеону удалось получить обещание Александра «выступить против Австрии и соединиться с Францией...», если Австрия начнет войну с Францией. Этот пункт был важен для Наполеона, который готовился к походу в Испанию. Было решено также начать переговоры о мире с Англией. Со своей стороны Наполеон признал присоединение к России Финляндии, Молдавии и Валахии, но отказался от посредничества в заключении мира между Россией и Турцией. Министр иностранных дел Франции заявил Н. П. Румянцеву, что Наполеон «не может, не вызывая многочисленных и обоснованных упреков со стороны турок, не принуждать их, не предписывать им уступить Вам эти княжества» и потому он «ограничится лишь договоренностью в с. в-вом о том, что будет справедливо, если Вы сохраните эти провинции, но со своей стороны он ничего для этого не сделает» (10, т. IV, 349).

Для Наполеона союз с Россией был подчинен в первую очередь задачам борьбы против Англии. Если он еще питал какие-то надежды на примирение с Англией или компромисс с нею, эти надежды были окончательно рассеяны, когда в январе 1808 г. английский король в тронной речи категорически отверг идею примирения с Францией и подтвердил намерение английского правительства продолжать непримиримую борьбу против Наполеона.

В ответ на это Наполеон выдвинул мысль об ударе по Англии через Индию. 2 (14) февраля 1808 г. он обратился к Александру I с известным письмом, в котором предлагал русскому императору совершить совместный поход в Индию. В том же письме в весьма неясных выражениях содержался намек на возможный раздел турецких владений между Россией, Францией и Австрией (16, т. 88, 456—458). Думал ли Наполеон всерьез осуществить этот план? Вряд ли. Скорее всего этот план был задуман с целью принудить Англию и заодно отвлечь Россию от европейских дел. Об этом убедительно свидетельствует инструкция Наполеона Коленкуру по случаю назначения последнего послом в С.-Петербург (16, т. 88, 298—299) и последующие переговоры между Александром I и Румянцевым, с одной стороны, и Коленкуром — с другой (40, т. I, 195—215). Переговоры, закончившиеся в начале марта, не привели к каким-либо конкретным результатам. Не удалось Наполеону и отвлечь Россию от европейской политики.

Со стороны Франции попыткой нанести чувствительный удар британскому могуществу на морях было объявление континентальной блокады. Стремясь сделать блокаду Англии более действенной и ощутимой, 5 августа 1810 г. Наполеон ввел т. наз. Трианонский тариф, который значительно повышал пошлины на все колониальные товары (чай, сахар, кофе, хлопок, пряности и пр.). В декабре того же года Наполеон сделал еще один шаг в расширении блокады: он присоединил к Франции Голландию и все побережье между Рейном и Эльбой, включая ганзейские города Бремен, Гамбург, Любек и др. Там был немедленно введен новый тариф. Наполеон надеялся, что эти мероприятия помогут ему окончательно пресечь нелегальную английскую торговлю с Европой и таким образом нанесут удар Англии по самому чувствительному месту — ее экономике.

Англия также не оставалась пассивным наблюдателем: начиная с 1808 г. она вела войну против Франции на Пиренейском полуострове.

Первым против наполеоновского господства выступил народ Испании.

В 1807 г. Португалия, находившаяся под сильным экономическим и политическим влиянием Англии, отка-

залась примкнуть к континентальной блокаде. Тогда Наполеон заключил договор с главой испанского правительства Годоем и в ноябре 1807 г. испанскими и французскими войсками Португалия была оккупирована. Французские войска остались и в Испании.

В апреле 1808 г. в Испании был совершен государственный переворот, вместо Карла IV королем стал его сын Фердинанд VII. Наполеон обманом заманил обоих во Францию и заставил отречься от престола. Королем Испании был провозглашен брат Наполеона Жозеф, бывший до этого Неаполитанским королем. Но этот переворот не прошел безнаказано и в мае 1808 г. в Мадриде вспыхнуло восстание. Оно было жестоко подавлено, но против французов поднялся весь народ — началась партизанская война и в июле 1808 г. 20-тысячная французская армия была окружена партизанами у Байлена и капитулировала. Это был сильный удар по престижу французской армии с ее ореолом непобедимости. Национально-освободительное движение развернулось и в Португалии, где было создано временное правительство. Наполеону пришлось начать долгую и трудную борьбу, в которой против него выступал весь народ. Французы оказались в роли поработителей и угнетателей.

В. И. Ленин писал: «Войны великой французской революции начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционные: защита великой революции против коалиции контрреволюционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных, национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистические, породившие в свою очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона» (3, 5—6).

Англия поспешила использовать народное восстание на Пиренейском полуострове для возобновления борьбы против Наполеона. На поддержку восставших испанцев и португальцев были направлены английские военные силы. Вплоть до конца наполеоновской империи борьба на Пиренейском полуострове отвлекала внимание Наполеона и значительные военные силы Франции.

В ожесточенной схватке между Францией и Англией Восточный вопрос занимал второстепенное место и был подчинен более широким стратегическим целям обеих сторон. Если Александр I надеялся на поддержку Наполеона в скорейшем завершении войны против Турции, то ему вскоре пришлось в этом разочароваться. Русские официальные лица пытались убедить Наполеона в необходимости для России территориальных приобретений на Балканах. В частности, каналом для этого был избран генерал Савари, который с 11 (23) июля 1807 г. представлял Наполеона при русском императоре до восстановления официальных дипломатических отношений между Россией и Францией.

В декабре 1807 г. Савари писал Наполеону: «Я должен сказать вашему величеству, что если русские будут вынуждены отказаться от этих провинций (Молдавии и Валахии), это событие произведет здесь перемену, отнюдь не благоприятную для нас» (16, т. 83, 239). Однако Наполеон не принимал всерьез эти предостережения. Дунайские княжества представляли собой разменную монету в его дальнейших европейских планах. Несмотря на то, что в Тильзите Наполеон обязался вывести свои войска из Пруссии, он всячески оттягивал исполнение обязательства, мотивируя это тем, что в договоре не обозначены точные сроки эвакуации и тем, что Россия отказывается вывести свои войска из Молдавии и Валахии. Он соглашался на приобретение Россией Дунайских княжеств лишь в том случае, если Франция будет удовлетворена за счет союзницы России Пруссии (16, т. 89, 177—180). Однако Александр I категорически отверг это предложение, ясно понимая, что Наполеон стремится создать в Пруссии военный плацдарм против государств Восточной Европы, в частности, России и переложить, хотя бы частично, заботы о содержании своей огромной армии на плечи немецкого народа.

К весне 1808 г. в позиции Наполеона относительно восточных дел произошел определенный перелом — он понял, что дальнейшие заигрывания с Александром I становятся опасными. В январе 1808 г. он поинтересовался у турецкого правительства, какую позицию оно займет в случае аннексии Россией Дунайских княжеств и одновременно постарался привлечь Австрию к предпо-

лагаемому разделу Османской империи. Свои расчеты Наполеон делал из правильного предположения, что Австрия на Балканах будет действовать в противовес России и будет всячески препятствовать ее усилению на Ближнем Востоке. Предположения Наполеона оправдались. Летом 1808 г. русские агенты доносили из Константинополя, что «Порта готова приступить ко всему, что Россия пожелает, однако же не намерена уступать ни клочка земли; Австрия не равнодушно бы взидала на приобретение нами Молдавии и Валахии» (5, д. 2064, л. 40 об.). Опасность военного вмешательства Австрии в дела России была настолько реальна, что в Дунайской армии создавался специальный корпус, состоящий из трех дивизий (всего в Дунайской армии было шесть дивизий регулярных войск) на случай военных действий против Австрии и предусматривалось создание еще одного корпуса, состоящего из четырех дивизий, который должен был действовать «от Бреста на Галицию».

Таким образом, результаты Тильзита не оправдывали надежд, с которыми было связано его заключение. Русская дипломатия вскоре убедилась, что не только Англия, но и дружественная России Франция пыталась не допустить укрепления позиций России на Балканах. В начале 1809 г. А. Б. Куракин, назначенный послом в Париже, сообщал, что французский поверенный в делах в Константинополе перед отъездом турецких уполномоченных в Яссы потребовал «ни более ни менее, как формального обещания Дивана не делать России никаких территориальных уступок...» (10, т. IV, 482). Несколько позже и А. А. Прозоровский сообщал из Ясс о враждебных по отношению к России действиях французской миссии, которая старается помочь Турции заключить выгодный мир с Россией и выражал опасение, что французское правительство потребует возвращения Молдавии и Валахии Турции. Он же доносил Александру I, что и Австрия делает все возможное, «дабы Ваше Величество не могли приобрести границы по Дунай» (6, д. 2923, ч. 3, л. 126).

Что касается Англии, то последняя в эти годы продолжала укреплять свои позиции в Константинополе за счет России и Франции. Вопреки предположениям многих русских дипломатов, Англия в конце 1808 г. пошла

на заключение мира с Турцией. Еще в октябре 1808 г. А. А. Прозоровский просил А. Б. Куракина «прозондировать почву» в Вене, ибо до него дошли слухи о ведущейся подготовке к наступательному и оборонительному союзу между Портой, Австрией, Англией и Швецией. Куракин категорически отверг возможность такого союза и считал эти слухи вымышленными. В конце 1808 г. Прозоровский вновь предупреждал русское правительство о том, что англичане «употребляют все усилия и даже угрозу для заключения мира с Портой Оттоманской» (10, т. IV, 392). Однако предупреждения Прозоровского, как видно, были оставлены без внимания. Роль «сводницы» между Англией и Турцией на этот раз сыграла Австрия.

Договор между Великобританией и Османской империей был подписан 24 декабря 1808 г. (5 января 1809 г.). Он был очень важен для Англии, так как разрывал цепь экономической и дипломатической изоляции, которую весьма искусно ковал Наполеон против Англии. Одновременно этот договор резко ухудшал внешнеполитическое положение России.

К тому времени в Константинополе пошатнулось и французское влияние. Этому способствовало пребывание французских войск в Далмации, а также признание Наполеоном русских завоеваний на Балканах. Все это порождало у турецких политиков недоверие к Франции. Показательно, что турецкий султан, еще до Тильзита давший Наполеону свое согласие на проход французских войск через территорию Османской империи, весной 1808 г. взял свое разрешение обратно. Это с очевидностью свидетельствовало о растущем недоверии к Франции.

Турция пошла на соглашение с Англией, так как была рада обезопасить себя от всяких неожиданностей: она знала, что Англия является противницей расчленения Османской империи в пользу России и Франции. По договору Англия обязалась предоставить Турции заем в 1 млн. ф. ст. Договор устанавливал мирные отношения между Англией и Турцией и предоставлял англичанам различные торговые преимущества в обширной Османской империи. Турецкое правительство, помня появление английского флота под командованием вице-адми-

рала Дакуорта в начале 1807 г. перед Константинополем и желая себя оградить в будущем от подобных «неожиданностей», от которых не могли в достаточной степени защитить столицу Османской империи укрепления, возведенные у входа в Дарданеллы, добилось включения в договор XI ст. следующего содержания: «Ввиду того, что во всякие времена было запрещено военным судам входить в Константинопольский канал, а именно в пролив Дарданеллы и Черное море, и так как это древнее правило Оттоманской империи должно быть точно так же и впредь соблюдено в мирное время в отношении войск державы, какой бы то ни было, то британский двор обещает подчиниться равным образом этому правилу». Так как Англия находилась уже в союзе с Турцией, а Россия в состоянии войны, то, следовательно, эта статья была направлена, главным образом, против последней. Кроме того, в договор между Турцией и Англией была включена и секретная статья, гарантирующая морскую помощь Турции со стороны Англии в случае нападения или угрозы нападения на Османскую империю со стороны любого иностранного государства. Секретная статья англо-турецкого договора предусматривала совместные наступательные операции турецкого и английского флотов в Черном море (5, д. 2063, лл. 34—35). В то же время англичане вновь вернулись к мысли о желательности связать Турцию и Персию военным союзом, направленным против России.

Через два месяца, 12 марта 1809 г., подобный договор был заключен между Англией и Персией, что сразу же привело к активизации персидских вооруженных сил на Кавказе. По договору Англия обязалась оказывать Персии военную помощь для продолжения войны с Россией, конечной целью которой был захват всего Закавказья. Более того, «Англия обязывалась продолжать эту помощь и после заключения ею мира с Россией» (30, 232).

Когда известие о подписании англо-турецкого союзного договора достигло Петербурга, Александр I отправил к великому визирю курьера с требованием выслать в двухдневный срок английского посла из пределов Османской империи и в случае отказа грозил возобновлением военных действий. 12 (24) марта 1809 г. Порта за-

явила об отказе подчиниться русским требованиям, ибо в Турции ясно понимали, что, выполнив требования России, приобретут себе могущественного врага в лице Англии. Не удался и демарш в этом направлении со стороны Франции. 22 декабря 1809 г. драгоман (переводчик) П. Фонтон доносил П. И. Багратиону, что «Французский в Константинополе поверенный в делах Латур-Мобур требовал от Порты высылки английского посла и воспрещения входа английских кораблей в турецкие порты, обещая, что в таком случае император Наполеон примет паки на себя посредничество к заключению мира между Россией и Портою с возвращением последней завоеванных первую земель» (10, т. V, 334—335). Но попытки Латур-Мобура были тщетны. Турецкое правительство, под различными предлогами, отказывалось порвать с Англией. Стало даже известно, что английский посол в Турции Эдейр обсуждает с турецким правительством проект совместного десанта на побережье Черного моря и убеждает султана «что дружба между Францией и Россией недолговечна» (10, т. V, 358).

Между тем русское правительство к этому времени уже явно тяготилось затянувшимися военными действиями на Балканах и охотно пошло бы на их прекращение; хотя срок перемирия, заключенного в Слободзее между Россией и Турцией, истекал. Главнокомандующему русской армией А. А. Прозоровскому предписывалось и по окончании срока перемирия не начинать военных действий против турок. В октябре того же года министр иностранных дел Н. П. Румянцев направил Прозоровскому полномочия на ведение переговоров с Турцией и сформулировал условия, на которых Александр I был готов на мир. Наряду с подтверждением всех прежних русско-турецких трактатов и конвенций, Александр I требовал окончательного присоединения к русским владениям Молдавии, Валахии и Бессарабии, признание за Россией Грузии и Имеретии, а также русского «покровительства» над Сербией (10, т. IV, 368).

Турецкое правительство отвергло русские предложения. Своим полномочным представителем на мирных переговорах в Яссах оно предписало «не принимать условий, изменяющих настоящие границы». В результате мирные переговоры были сорваны.

Весной 1809 г. военные действия между Россией и Турцией возобновились, но они велись с русской стороны вяло. Напряженная международная обстановка, заставлявшая Россию держать значительные военные силы на границах — шведской и австрийской — отвлекала Россию от активных военных действий и препятствовала переброске достаточных сил на Дунайский фронт. Несмотря на это, было проведено несколько удачных операций, как, например, захват крепости Кюстенджи и крепости Потти на Кавказе.

При капитуляции крепости Кюстенджи 30 августа (11 сентября) 1809 г. главнокомандующий Дунайской армией П. И. Багратион, назначенный вместо скончавшегося А. А. Прозоровского, заявил турецким представителям, что Россия готова заключить мир с Турцией «на тех условиях, которые и прежде предложены были, то есть с установлением границы по р. Дунай, что тем самым оставляет Россия за собою только христиан, а отнюдь не требует уступки областей, магометанами населенных, и что сим условием Россия не требует никакой уступки со стороны Порты, а единственно признания за Россией, того, чем она уже владеет...». Однако на таких условиях, при активном противодействии Англии, Франции и Австрии, без решительной победы над турецкими войсками, заключить мир с Турцией, по крайней мере в то время, было невозможно. Действительно, 10 (22) ноября 1809 г. П. И. Багратион рапортовал Александру I: «Удостоверился я совершенно, что силами и способами, в распоряжении моем состоящими, я отнюдь не буду в состоянии принудить визиря к заключению мира в продолжении нынешней кампании...» (10, т. IV, 677).

К концу кампании 1809 г. русским войскам удалось овладеть всем нижним течением Дуная, однако ввиду эпидемий тифа и лихорадки и недостатка продовольствия Багратион был вынужден отвести русскую армию на зимние квартиры в глубь Молдавии и Валахии. С наступлением зимы военные действия вообще прекратились.

К началу 1810 г. война с Турцией в политике России стала отступать на второй план перед более важными и грозными вопросами. Союз с Францией не принес тех положительных результатов, которых от него ожидали.

Более того, этот союз принес России новые трудности. Участие в континентальной блокаде оказалось для нее крайне невыгодным.

С начала ноября 1807 г. цены в России на многие «колониальные» товары (сахар, кофе и т. д.) и в «большом употреблении обращающиеся вещи» резко повысились, что объяснялось разрывом торговых отношений с Англией. Разрыв торговых отношений с Англией тяжелее всего сказался на материальном положении народа. Показателем в этом отношении является созданный в народе следующий «плач»:

Лишь с Англией разрыв в коммерции открылся,
То внутренний наш враг на прибыль и пустился.
Враги же есть все те бесстыдные глупцы,
Грабители людей, бесчестные купцы.
На сахар цену вновь тотчас и наложили:
Полтины стоил фунт, рублем уж обложили.

Многие русские государственные деятели придерживались мнения, что блокада не достигает цели, ибо экономически Англию сломить не удастся. Посол П. А. Толстой, пересылая министру иностранных дел Н. П. Румянцеву сведения о финансовом положении Англии, писал в конце июля 1808 г., что экономические меры, принятые против Англии, нанесли большой ущерб самой Франции и ее союзникам, в том числе и России.

В русском обществе нарастало недовольство разрывом отношений с Англией, поставщицей дешевых товаров, и вообще внешней политикой царя. Шведский посол в России Стединг уже в октябре 1807 г. сообщал королю об усиливающемся недовольстве в Петербурге и о разговорах в некоторых «частных» и «публичных собраниях» о планах устранения всей мужской линии царствующего дома (10, т. IV, 90).

А. Б. Куракин, например, считал, что континентальная блокада пагубно влияет на русскую экономику, в то время как контрабандная торговля компенсирует французские потери. По его мнению «побережье Франции имеет сейчас больше торговых связей с Англией, чем имели с ней год назад Голландия или Северная Германия (10, т. IV, 421—422). В дальнейшем проблема кон-

тинентальной блокады и связанные с ней мероприятия сыграли существенную роль в обострении отношений между наполеоновской Францией и Россией.

В то же время возникали подозрения, что Наполеон замышляет против России агрессивные планы. Русский посол в Париже П. А. Толстой еще в июне 1808 г. высказывал опасения, что Россия «может разделить участь Испании», если не будет активно готовиться к борьбе с Францией. По его мнению, России не следует ждать никаких выгод от союза с Францией, ибо обещания Наполеона никогда не будут выполнены, т. к. он только желает выиграть время, «необходимое ему для завершения испанской войны» (16, т. 89, 564—567).

Эти опасения были обоснованы. Факты свидетельствуют о том, что Наполеон уже в начале 1810 г. мыслил о войне против России. 16 марта 1810 г. министр иностранных дел Франции Шампаньи (герцог де Кодор) представил Наполеону доклад: «Взгляд на дела континента и сближение России с Великобританией», в котором советовал своему императору заключить антирусские союзы с Турцией, Швецией и Польшей. Он считал, что Франция должна всячески затягивать русско-турецкую войну и обеспечить себе роль посредника в мирных русско-турецких переговорах. Если же мир будет заключен без участия Франции, то необходимо всячески поддерживать надежды турок вернуть утраченное с французской помощью. В отношении русско-английских отношений Шампаньи писал: «Приучимся заранее рассматривать Россию как естественного союзника Англии и подготовимся к борьбе с результатами сближения этих двух держав на континенте, коль скоро более не в наших силах помешать этому» (47, 165).

Доклад был подготовлен по требованию Наполеона и ясно показывает, что уже весной 1810 г. Наполеон задумывался о войне с Россией. Несколько позже идея войны с Россией, по-видимому, полностью оформилась. Е. В. Тарле писал: «Наполеон уже с осени 1810 г. стал свыкаться с мыслью, что англичанам, этому упорному, неуловимому, наседающему врагу, которого не удалось победить ни в Каире, ни в Милане, ни в Вене, ни в Берлине, ни в Мадриде, можно нанести окончательный, сокрушительный удар только в Москве» (53, 240—241).

Осознание этой угрозы постепенно начинало проникать в сознание русских политических деятелей. В этих условиях перед Россией все острее становилась проблема отношений с Англией.

Английское правительство после разрыва отношений с Россией осенью 1807 г. не закрывало пути для их восстановления. До отъезда из Лондона русский поверенный М. М. Алопеус неоднократно встречался с Дж. Каннингом, который несколько раз возобновлял разговор о возможности примирения России и Англии. Каннинг заявил, что английское правительство желает, чтобы «Россия и Великобритания сблизилась и могли возвратиться к той системе согласия, которая, как показал опыт более чем одного столетия, является столь полезной для той и для другой и благодаря каковой благосостояние и политическое значение России поднялось на самую высокую ступень». На замечание Алопеуса, что заключение мира между Россией и Англией вызовет новую войну в Европе, Каннинг фактически предложил России быть посредником в примирении Англии с Францией. Во время прощальной аудиенции, перед отъездом Алопеуса из Лондона Каннинг вновь подтвердил свое намерение добиться мира между Россией и Англией, но добавил, что «Англии нужен прочный и надежный мир, а в противном случае предпочтительнее состояние войны» и «если Франция признала бы *uti possidetis** и полное равенство в качестве основы переговоров, они могли бы начаться между ней и Англией и соответственно между их союзниками без промедления; для того, чтобы уверенно действовать в этом направлении, можно было бы без всякого постороннего вмешательства немедленно обменяться декларациями за подписями министров иностранных дел двух держав» (10, т. IV, 175).

Таким образом, Каннинг фактически пригласил Россию к сепаратным переговорам. Но заключение мира с Англией означало для России войну с Францией, и ответом Каннингу был указ Александра I о запрещении ввоза английских мануфактурных товаров в Россию. Русским кораблям, находившимся в Англии, предписывалось возвратиться в Россию без товаров. Этим указом

* Обладание завоеванным.

Россия фактически присоединялась к континентальной блокаде против Англии. Осенью 1808 г. английским правительством была предпринята еще одна попытка прозондировать русское правительство по вопросу о возможности заключения мира. В начале сентября 1808 г. в С.-Петербург, в качестве частного лица, приехал английский чиновник, некто Холидей, который привез письмо Дж. Каннинга, датированное 23 июля. Письмо адресовалось Н. Н. Новосильцеву (в случае отсутствия его письмо надо было передать А. А. Чарторыйскому, а в случае и его отсутствия — П. А. Строганову). Письмо было вручено Строганову, который передал его Александру I. Каннинг писал: «Цель настоящего письма состоит в том, чтобы постараться ликвидировать разрыв, который никогда не должен был произойти, если бы в свое время посчитались с интересами и чувствами обеих наций, и продолжение которого хотя и причиняет интересам Англии меньший вред, чем сначала предполагали, все же противоречит чувствам как правительства, так и народа». В письме Каннинг отмечал недейственность континентальной блокады против Англии, уверял в серьезности намерений английского правительства заключить мир с Россией и добавлял, что «как бы ни был разделен мир в результате несчастных событий последних пятнадцати лет, в нем существуют только две группы интересов — интересы Франции, с одной стороны, и интересы всех остальных народов — с другой». Каннинг предоставлял право Новосильцеву истолковать письмо по своему усмотрению и просил содействовать установлению взаимопонимания между Россией и Англией (5, д. 4335, лл. 5—7).

Письмо Каннинга осталось без ответа. Однако показательно то, что Александр I не сообщил Наполеону об этом демарше английского правительства.

По 2 ст. союзной конвенции, заключенной в Эрфурте между Россией и Францией, предусматривалось возобновление переговоров о мире с Англией. 30 сентября (12 октября) 1808 г. Александр I и Наполеон I обратились к английскому королю Георгу III с письмом, в котором призывали Англию заключить мир с Россией и Францией. Н. П. Румянцев сообщал Дж. Каннингу об этом и добавлял, что Александр I поручил ему сообщить

Каннингу, что им назначены для переговоров полномочные, которые будут в Париже ожидать решения о месте переговоров, куда прибудут британские полномочные и полномочные представители ее союзников, и что Александр I и Наполеон согласны избрать основой переговоров предложение Англии вести переговоры на основе обладания завоеванным (5, д. 4335, лл. 23—24). Нотой от 16 (28) октября английское правительство официально согласилось на переговоры на условиях, «не затрагивающих честь английской короны». В сопроводительных письмах министру иностранных дел Франции Шампаньи и русскому послу в Париже П. А. Толстому Дж. Каннинг сообщал, что Англия согласна на переговоры при условии участия в них испанского правительства. В письме П. А. Толстому говорилось: «Его величество английский король хочет получить немедленные заверения в том, что Франция признает Испанию в качестве полномочного участника переговоров... Его величество с удовлетворением вспоминает о том живом интересе, который Его Императорское Величество всегда проявлял в отношении блага и достоинства испанской монархии и ему не нужна другая уверенность, как только та, что Е. И. В. не будет санкционировать, либо участвовать в поддержке узурпации, уже сама основа которой является несправедливой и очень опасной для законных правителей» (5, д. 4335, лл. 27—28). Из этого следовало, что английское правительство не признавало Жозефа Бонапарта королем Испании и требовало возвращения к власти «законного короля», т. е. Фердинанда VII. Это было явно не по «вкусу» Наполеону, ибо возвращение на испанский престол Фердинанда было бы сильнейшим ударом по престижу французского императора.

Посол в Вене А. Б. Куракин обратился 24 октября (5 ноября) 1808 г. к Александру I с письмом, в котором ратовал за заключение мира с Англией при условии возвращения к власти в Испании Фердинанда VII. Он писал: «Какую же выгоду может получить Англия от мира с Францией, если Испания не будет возвращена ее прежним правителям и не обретет вновь полную независимость по отношению к Франции? Будучи своекорыстным и неверным союзником, Великобритания может бросить всех своих друзей на континенте, но она не откажется от

испанцев. Чтобы убедиться в этой истине, достаточно провести линию от Портсмута до Бильбао, подумать о Гибралтаре, ключе к океану, об Африке, о Вест-Индии». В заключении письма Куракин советовал Александру I «подписать сепаратный мир с Англией, если другой мир окажется невозможным» (10, т. IV, 383—385). Однако Александр I, под давлением Наполеона, отказался допустить к переговорам представителей испанских повстанцев под предлогом того, что Россия признала уже официально Жозефа Бонапарта королем Испании. Кроме того, русский император поручил Румянцеву заявить Каннингу, что Россия связана с Францией как мирным, так и военным союзом и что он полон решимости не отделять своих интересов от интересов императора Франции. В то же время Александр I выражал надежду, что разногласия в отношении Испании «не сорвут конгресса» и предлагал «направить полномочных представителей в любой город континента, который будет угодно назвать Его Величеству Британскому королю, пригласить на конгресс полномочных представителей союзников Англии, вести переговоры на базе *uti possidetis*, или на любой другой основе, целью которой будет заключение справедливого мира». Наполеон также категорически отказался допустить к переговорам представителей испанских повстанцев. Английское правительство отказалось от переговоров, а Дж. Каннинг писал Н. П. Румянцеву, что Александр I «санкционирует узурпацию, не имеющую сравнений в мировой истории» (67, 197). Это означало конец франко-русско-английским переговорам о «всеобщем мире».

В конце 1808 г. английское правительство предприняло еще одну попытку начать сепаратные переговоры с Россией. Средиземноморская эскадра под командованием Д. Н. Сенявина была блокирована в Лиссабонском порту превосходящими силами англичан, но не разгромлена, а взята 4 сентября 1808 г. «на сохранение» до заключения русско-английского мира. Англичане даже обязались возвратить русских моряков на родину. И действительно, в сентябре 1809 г. русские матросы на английских судах были доставлены в Ригу. Этими действиями англичане хотели показать, что, несмотря ни на что, не считают Россию своим врагом и как бы приглашали

ее к переговорам. Этой же цели служили и письма Дж. Каннинга, адресованные П. А. Толстому (октябрь 1808 г.) и Н. П. Румянцеву (декабрь 1808 г.), находившемуся в это время в Париже (47, 193). Однако все эти попытки английского правительства оставались безрезультатными вплоть до 1810 г.

В начале 1809 г. английское правительство вновь попыталось завязать переговоры с Россией. На этот раз посредником был посланник Королевства Обеих Сицилий в Константинополе — Людольф, которому, ставший послом в Турции, Роберт Эдейр писал, что скорее всего заключение мира между Россией и Портой «на прочной основе интересует в самой высокой степени не только враждующие стороны, но также Англию, Австрию и даже Францию». Эдейр просил Людольфа «заверить С.-Петербургский кабинет, что заключение мира между Россией и Портой явится устранением еще одного препятствия к заключению мира между Россией и Англией и предоставит средства ускорить его» (5, д. 10755, л. 5 об.). Однако и этот демарш английского правительства оказался безрезультатным, и англичане на время оставили свои попытки завязать переговоры с Россией.

Со второй половины 1809 г. вновь наблюдалось стремление английского правительства к примирению с Россией. Поверенный в делах в Пруссии П. Я. Убри сообщал Н. П. Румянцеву в августе 1809 г.: «В Берлине полагают — если бы Россия захотела примириться с Англией, последняя не только с большой радостью пошла бы на это, но и благодаря своему нынешнему влиянию в Константинополе могла бы облегчить заключение мира между Россией и Турцией» (10, т. V, 155). Генерал-лейтенант П. А. Шувалов, находившийся со специальной миссией в Вене, сообщал Александру I, что «английский посланник в Константинополе совершенно недвусмысленно заявил, что он готов поддержать в. и. в-во как в Константинополе, так и в персидских делах в случае, если нынешняя система политики претерпит изменения в России...» (10, т. V, 373).

Английские демарши встречались в России с известным недоверием: реальная политика Англии на Востоке слишком резко противоречила дружественным заявлениям английских дипломатов.

Александр I сообщил Коленкуру о демарше Эдейра и добавил, что решительно отверг это предложение. Н. П. Румянцев добавил, что «предпринятый Эдейром зондаж был не единственной английской попыткой сближения с Россией и что к нему уже обращались с предложением отправить в Лондон доверенное лицо для ведения неофициальных переговоров» (10, т. IV, 402).

Весной 1810 г. англичане вновь попытались наладить отношения с Россией. На этот раз посредником был избран бывший посланник Королевства Обеих Сицилий в С.-Петербурге Серра-Каприола. Он с 1808 г. жил в Петербурге в качестве частного лица и имел большие связи в влиятельных кругах петербургского общества. Впоследствии английские политики не раз пытались через него воздействовать на внешнюю политику России.

В апреле 1810 г. Эдейр направил Серра-Каприоле письмо, которое по своей сущности было программой англо-русско-турецких союзнических отношений. Эдейр писал: «Оттоманская Порта более, чем когда-либо полна решимости не уступать обе провинции (Молдавию и Валахию — Д. Г.), она рассматривает женитьбу Наполеона*, как гарантию безопасности Империи и именно в таком разрезе женитьба освещается французской миссией, которая пытается внушить Порте, что благодаря этому союзу можно будет заинтересовать или даже заставить Австрию принять выгодное для Турции решение. Нет сомнения, что Бонапарт поработал на этот счет, чтобы разжечь войну между Россией и Австрией. С другой стороны, Англия никогда не покинет Турцию. Это единственная держава, которая имела мужество сопротивляться в ее (Англии) интересах угрозам Бонапарта и России... Я подумал, что если обе стороны будут немного рассудительны, Англия сумеет устранить трудности. Вот основа моего предложения: Россия эвакуирует войска из двх провинций, установит в Молдавии и Валахии *status quo ante bellum*** . Можно будет попытаться расширить ее границы до Прута, но не включая

* В конце 1809 г. Наполеон просил руки сестры Александра I и после последовавшего отказа женился на австрийской эрцгерцогине Марии-Луизе.

** Довоенное положение.

крепости Измаил...» Англия компенсирует России уступку двух провинций утверждением ее торговых отношений в Индии или в Америке: «Ей будут возвращены все ее торговые отношения, которые перешли в руки американцев. Таким образом, лед на Балтике растает для России. Она сможет торговать со странами Ближнего Востока...» В заключении своего письма Эдейр излагает две, якобы основные, причины, которые толкают английское правительство к примирению с Россией:

«1. Обеспечение для Порты прочной и независимой базы.

2. Установление под покровительством России прочной системы, которая явится единственным условием достижения прочного мира и попытается установить равновесие на Севере, которое будет препятствовать огромной власти юга, возникшей из-за союза Австрии с Францией» (5, д. 10756, лл. 2—3).

Вскоре о содержании этого письма стало известно Александру, но и оно осталось без ответа.

Между тем к осени 1810 г. русско-французские отношения настолько обострились, что русское правительство попыталось воспользоваться помощью Англии в заключении мира с Турцией. Выполнить это деликатное поручение намечалось через ярого противника Наполеона — корсиканца К. О. Поццо-ди-Борго, тем более, что и некоторые обстоятельства этому способствовали. Полковник русской армии Поццо-ди-Борго после Тильзита вышел в отставку и поселился в Вене. После нового поражения Австрии в 1809 г. Наполеон потребовал удалить его из пределов Австрийской империи. Когда об этом стало известно в России, Н. П. Румянцев посоветовал П. А. Шувалову намекнуть Поццо-ди-Борго о возможности найти убежище в Константинополе «под покровительством британской миссии». Он обещал, если тот примет такое решение, неофициально сказать ему для передачи англичанам, что, вопреки существующему в Лондоне мнению, что условием мира России с Турцией «является требование, чтобы Порта порвала с Турцией», русское правительство «намеревается заключить мир, не вмешиваясь в отношения, которые могут быть у Оттоманской Порты с иностранными державами». Н. П. Румянцев предписывал П. А. Шувалову сказать

К. О. Поццо-ди-Борго, что «для Англии было бы чрезвычайно выгодно скорейшее заключение мира между Россией и Турцией. От такого проницательного человека, как г-н Поццо-ди-Борго, безусловно, не ускользнут все преимущества, которые могут вытекать из заключения этого мира» (10, т. V, 536).

Эволюцию внешнеполитического курса России к концу 1810 г. подтверждает и то, что если в свое время Россия объявила войну Швеции, стремясь вовлечь ее в континентальную систему, то когда в ноябре 1810 г. Швеция, по настоянию Наполеона, объявила войну Англии, то в России это известие было встречено с большим неудовольствием.

Что же послужило причиной весьма ощутимого охлаждения во взаимоотношениях между русским и французским императорами?

В конце октября 1810 г. Наполеон, объявив о введении Трианонского тарифа, предложил Александру I ввести аналогичный тариф и в России, что по существу означало полное запрещение нейтральной торговли. Русское правительство отказалось принять новый тариф. Присоединение к Франции Голландии и побережья между Рейном и Эльбой и введение там Трианонского тарифа было чрезвычайно невыгодно России, так как голландские и ганзейские суда в основном и осуществляли нейтральную торговлю. В результате этой акции Россия также лишалась возможности денежных займов у голландских банкиров.

В ответ на эти мероприятия Наполеона 31 декабря 1810 г. на государственном совете был принят новый тариф — «Положение о нейтральной торговле на 1811 г. в портах Белого, Балтийского, Черного и Азовского морей и по всей западной сухопутной границе». Согласно этому «Положению» пошлины на все ввозимые промышленные товары, включая и французские, были значительно повышены. В то же время пошлины на вывозимые русские товары были намного снижены или совершенно отменены. Кроме того, была значительно упрощена организация нейтральной торговли.

Непринятие Трианонского тарифа и введение протекционистского тарифа в России явилось причиной серьезной размолвки между двумя императорами.

М. Н. Покровский писал: «Для России отказ принять Трианонский тариф был тем Рубиконом, за которым начался Двенадцатый год: все остальное, от мелких недоразумений личного свойства, вроде неудачного сватовства Наполеона за русскую великую княжну или обиды, нанесенной тем же Наполеоном владетельным правам голштинской династии в Ольденбурге* — до самого крупного по внешности конфликта из-за вопроса о восстановлении Польши, все это, так или иначе, тянет к основной причине — экономическому разрыву на почве Трианонского декрета 1810 г.» (43, 32—33). В этом утверждении имеется значительная доля истины.

АНГЛИЯ И БУХАРЕСТСКИЙ МИР

Начиная с 1810 г. над Россией сгущалась опасность агрессии со стороны наполеоновской Франции. Россия оставалась в глазах Наполеона последним звеном на пути к господству в Европе: до тех пор, пока она была независимой, покорение Европы было неполным и ненадежным. Фактический отказ этой страны от участия в континентальной блокаде и введение Александром нового тарифа убедительно свидетельствовали об этом. Поражение России должно было также послужить предпосылкой для разгрома Англии. По мнению Наполеона, Россия была «последним ресурсом Англии» и «победа над Россией предreshала победу над Англией». Русский историк С. Идаров писал: «Наполеон I принял войну против России в надежде, одержав победу над русскими, побудить Александра I в союзе с ним завоевать Индию и тем нанести богатству и могуществу Англии чувствительный удар» (29, 535).

Многие русские государственные деятели предвидели уже в 1811 г., что война с Францией не за горами. К их числу принадлежали: старый русский дипломат, российский посол в Париже А. Б. Куракин и флигель-адъютант Александра I А. И. Чернышев, находившийся с декабря 1810 г. с особой миссией в Париже, т. е. те, кто могли воочию наблюдать за приготовлениями Франции к войне, а военный министр М. Б. Барклай-де-Толли еще в начале 1810 г. предложил целый ряд организационных мероприятий, направленных на повышение обороноспособности русской армии. Основные принципы их были изложены в его записке «О защите западных пределов», предъявленной Александру I в феврале 1810 г.

Об опасности, угрожавшей России со стороны Наполеона, предупреждали и некоторые иностранные наблюдатели. Так, Талейран, ставший к этому времени плат-

* 30 декабря 1810 г. герцогство Ольденбургское (с герцогом Ольденбургским Александром I связывали родственные узы) было неожиданно занято французскими войсками. Было объявлено, что герцогство присоединяется к Франции, а герцог лишается престола.

ным агентом Александра I, также в марте 1811 г. предсказывал, что война начнется примерно через год и советовал русскому императору завести «тайные переговоры с Англией» (54, 122).

Сицилийский посланник в Константинополе предупреждал в ноябре 1811 г. бывшего русского посланника в Турции А. Я. Италинского: «России нельзя терять ни минуты, ей готовят страшный удар...» (5, д. 1982, л. 26).

В начале 1812 г. Александр I уже отчетливо видел грозящую опасность.

1 (13) апреля 1812 г. он писал А. А. Чарторыйскому: «Разрыв с Францией, по-видимому, неизбежен. Цель Наполеона — уничтожить или, по крайней мере, унижить последнюю, стоящую еще на ногах, державу в Европе...» Перечислив требования Наполеона — прекращение торговли с нейтральными странами, отмена запретительных тарифов — и считая, что они «неприемлемы и несовместимы с честью России», Александр заявлял: «Так как я ни в коем случае не соглашусь на подобного рода предложения, то, вероятно, в результате явится война, несмотря на все старания России избежать ее» (10, т. VI, 353).

К концу 1811 г. отношения между Россией и Францией уже окончательно испортились, и некоторые английские политики предсказывали, что военные действия между ними начнутся в самом скором времени. Современный английский историк Ситон-Уотсон, рисуя события того времени, писал в одной из своих работ: «В течение 1811 г. отношения между Наполеоном и царем постепенно ухудшались в той степени, в какой Россия выходила из континентальной системы» (70, 27).

Готовясь к войне против России, Наполеон прилагал все усилия к тому, чтобы политически ее изолировать. В частности он попытался вновь столкнуть Россию со Швецией. Казалось, на первый взгляд, это была не слишком трудная задача для французского императора, тем более, что наследным принцем и фактическим главой государства в Швеции в 1810 г. стал его бывший маршал Бернадотт (князь Понтекорво). Однако надеждам Наполеона не суждено было сбыться, так как Бернадотт избрал политику, независимую от Франции. В начале 1812 г. русский посланник в Вене Г. О. Штакельберг со-

общил М. И. Кутузову, что Швеция решила сблизиться с Англией для сохранения своей политической независимости и окончательно выходит из континентальной системы (5, д. 1987, лл. 3—4).

Наполеон решил поправить дело. В апреле 1812 г. он предложил Бернадотту заключить с Францией военный союз. Он обещал Швеции всю Финляндию, в Германии — Мекленбург и, кроме того, субсидию в 6 млн. франков немедленно и далее по 1 млн. ливров в месяц. Однако Бернадотт отверг все эти посулы: трезвый расчет побудил его избрать иной курс. Он пошел на заключение союза не с Францией, а с Россией: этот договор к явному неудовольствию Наполеона был заключен 24 марта (5 апреля) 1812 г.

Для нас представляет интерес XVI статья русско-шведского договора, по которой Швеция «обязуется предложить Блистательной Порте Оттоманской свои добрые услуги с целью ускорить заключение мира между Россией и Турцией...» Действительно, согласно этой статье договора, весной 1812 г. из Стокгольма в Константинополь был направлен генерал Таваст. Однако он ехал слишком долго, и к его приезду мир между Россией и Турцией был уже заключен.

Миссия Таваста была не единственной попыткой Швеции активно вмешаться в русско-турецкие переговоры. В начале марта 1812 г. в Бухарест прибыл «королевско-шведский секретарь» Гиммель, которого главнокомандующий Дунайской армией в сопровождении русского офицера препроводил в Константинополь. Гиммель был послан в Турцию шведским правительством также для того, чтобы способствовать заключению русско-турецкого мира. Впрочем и Гиммель не сыграл сколько-нибудь видной роли в примирении России с Турцией — турецкое правительство весьма недоверчиво отнеслось к его миссии. В Турции не верили, что Швеция активно будет посредничать в деле заключения русско-турецкого мира и не верили в тесное сближение русского и шведского дворов (5, д. 1982, л. 95—98). В этой позиции Оттоманской Порты было ясно видно влияние Франции.

Пытаясь изолировать Россию, Наполеон решил обратиться к Англии с предложением мира. Кроме того, если бы мир между Францией и Англией был заключен,

это позволило бы ему высвободить завязшие в Испании крупные контингенты французских войск и использовать их на Восточном фронте.

17 апреля 1812 г. министр иностранных дел Франции Маре (герцог де Бассано) обратился к английскому министру иностранных дел Кэстльри с предложением заключить мир. Наполеон соглашался на господство Англии в колониях, но взамен требовал признания Англией французских завоеваний в Европе. Игра Наполеона была разгадана, хотя его предложение и вызвало довольно оживленную дискуссию в палате общин. Выступивший против англо-французского союза член палаты Р. Б. Шеридан — известный политический оратор и драматург — назвал предложение Наполеона оскорбительным и лживым. В своем выступлении он иронически охарактеризовал предложение Наполеона: «Бонапарт готовится к войне с Россией и ему нужны те 150 тысяч солдат, которые заняты в Испании. Англия должна задать Наполеону вопрос: «Из-за чего вы спорите с Россией?» Он ответит: «Потому, что Россия отказывается помогать мне в уничтожении тех сил и принципов, на которых держится ваше существование в качестве великой державы». Наполеон просит помочь ему, и когда достигнет своей цели, то вернется в Испанию и будет очень благодарен нам» (60, т. 23, кол. 1125). Большинство голосов предложение Наполеона было решено отвергнуть.

Таким образом, и в Стокгольме, и в Лондоне попытки Наполеона изолировать Россию и лишить ее возможных союзников в предстоящей войне кончились неудачей.

Правда, в феврале—марте 1812 г. Наполеон принудил Пруссию и Австрию заключить с ним союзные договоры, по которым они обязывались поставить Франции соответственно 20 и 30 тыс. солдат для войны с Россией. Кроме того, Пруссия должна была предоставить Наполеону значительное количество продовольствия. Однако позднее прусский король изъявил желание сохранить с Александром I добрососедские отношения, даже в случае войны, а австрийский император заверил его, что «он отнюдь не будет считать себя причастным к этой пагубной войне на севере, если она будет иметь место...» (10, т. VI, 367, 395).

Следовательно, и Пруссия и Австрия решили застра-

ховать себя «на всякий случай» и ограничить свое участие в войне, что уже было определенной дипломатической победой России.

В чрезвычайно сложной международной обстановке, в преддверии войны с Францией, русское правительство решило, что настало время обратиться за помощью к Англии — единственной державе, которая постоянно и последовательно боролась против Наполеона на протяжении всех предыдущих лет.

Реальные интересы неуклонно толкали Россию и Англию к сближению. Для России помощь и поддержка со стороны Великобритании — военная, политическая и экономическая обещала значительно усилить военно-экономический потенциал и сопротивление наполеоновской агрессии.

Не менее важным был союз с Россией и для Англии, вовлеченной в смертельную схватку с наполеоновской Францией. «Из трех лидирующих великих держав — Англии, Франции и России первые две были разделены острыми, непреодолимыми противоречиями. Столкновение интересов начиналось с территориальных проблем; от ближайших — Бельгии и Голландии до далеких — колониальных владений в Азии, Африке и Америке», — справедливо замечает советский историк А. З. Манфред (33, 354).

В этой схватке Россия — могущественная держава — представляла собой исключительно ценного союзника. Английскому правительству представлялось весьма заманчивым сокрушить Наполеона русскими руками. В то же самое время интересы Англии как колониальной державы, обладающей крупнейшими владениями на Востоке, побуждали ее всячески противиться усилению русского влияния в Азии. В любом расширении территорий Российской империи англичане усматривали опасность для своих колоний. Неуверенность в прочности своего господства, страх перед восстанием поработенных ею народов заставляли английское правительство подозревать всюду русских агентов. Как уже говорилось, зачастую эти страхи служили в сущности лишь прикрытием для английской колониальной экспансии в Азии, но порою эти страхи были искренними, несмотря на их неосновательность.

Таким образом, английскую политику этих лет в отношении России отличала двойственность: готовая оказать поддержку России, усилить ее для сопротивления Наполеону, она в то же время каждый раз делала это с оглядкой. Мы не поймем английскую политику тех лет до конца, если будем рассматривать ее односторонне, не учитывая обеих тенденций.

Тенденция к сближению заметна в политике обеих держав.

Вообще война между ними носила своеобразный характер. Как справедливо заметил Ф. Мартенс, «война, объявленная Россией Англии в 1808 г., существенным образом отличалась от всех войн, когда-либо происходивших: она отличалась полным отсутствием военных действий» (14, т. XI, 155).

Сам Александр I выражал мнение о возможности мира с Англией еще в январе 1811 г. В инструкции Г. Д. Моцениго, по случаю назначения его посланником в Сардинское королевство, русский император писал: «Что касается Англии, то Вам известно, какими давними и выгодными отношениями с Россией она пренебрегла и как, побудив все континентальные державы отвлечь на себя силы, предназначенные императором Наполеоном для войны против нее, она предала и покинула их одну за другой. У меня есть серьезные основания для недовольства ею, но рано или поздно я должен буду забыть об этой обиде ради блага империи... и я готов пойти на эту жертву при условии, что сент-джемский кабинет выкажет искреннее стремление к всеобщему миру» (10, т. VI, 25).

В свою очередь и английское правительство было готово пойти с Россией «на мировую». Премьер-министр Англии С. Персиваль писал 9 августа 1811 г. министру иностранных дел лорду Уэлсли о необходимости обратиться к России с предложением заключить мир, однако в то же время выражал опасение, что таковой шаг английского правительства может быть неправильно расценен в России, как слабость Англии (58, т. XI, 98).

В том же августе 1811 г. принц-регент Великобритании Георг (принц Уэльский) обратился к русскому императору с личным посланием, в котором призывал Александра I «восстановить прежние дружеские отношения

между Великобританией и Россией, способствующие благосостоянию и славе обоих государств» (5, д. 6073, л. 7—8).

К письму Георга прилагалась памятная записка английского министра иностранных дел Уэлсли, адресованная Н. П. Румянцеву. В записке фактически содержался призыв объединить усилия Англии и России в борьбе против Наполеона. В ней отмечалось, что правительство Англии всячески одобряет меры, принятые Россией для подготовки отпора Франции, и приветствует смягчение территориальных требований к Турции. Уэлсли советовал заключить мир и с Персией, что, по его мнению, дало бы возможность России сосредоточить все силы для предстоящей борьбы с Наполеоном и предлагал помощь английского правительства в мирных переговорах с Турцией и Персией. Значительное место в записке было уделено доказательствам, что участие в континентальной блокаде принесло значительно больший ущерб России, чем Англии.

Письмо принца-регента Георга и памятная записка Уэлсли были доставлены в С.-Петербург неофициальным представителем Центральной хунты Испании Зеа Бермудесом, прибывшим в Россию для переговоров о мире с русским правительством.

Однако заключение мира с Англией в тот момент означало немедленную войну с Францией, а Россия к ней еще не была готова, и Александр I не ответил на письмо Георга. В то же время он инструктировал своего уполномоченного для переговоров с Испанией Р. А. Кошелева: «Если Англия заинтересована в том, чтобы Россия была в состоянии оказать действительно серьезное сопротивление Франции, необходимо, чтобы она помогла России заключить мир с Турцией на почетных для России условиях. Очень важно также, чтобы Англия помогла России покрыть расходы, неизбежно связанные со столь значительными вооруженными приготовлениями; если бы, например, она взяла на себя голландский долг*, то эта цель была бы достигнута. Если таких ре-

* В конце XVIII в. Россия получила в Голландии займы, общая сумма которых составляла к началу 1812 г. 87 млн. гульденов.

зультатов удастся добиться с помощью Англии, то Россия немедленно положит конец всем разногласиям с ней, открыв свои порты, ибо тогда она будет в состоянии оказать сопротивление в случае нападения со стороны Франции, которое явится неизбежным следствием этого» (10, т. VI, 169).

Следовательно, заключение мира с Англией русский император поставил в зависимость от ее политической и финансовой помощи России. Надо отметить, что в борьбе с революционной и наполеоновской Францией Англия финансировала все антифранцузские коалиции. С 1799 по 1813 г. Россия получила от Англии более 4,2 млн. ф. ст., а всего с 1793 по 1813 г. ею было выдано европейским государствам около 40 млн. ф. ст.

Переговоры между обеими державами перешли в практическую плоскость в начале 1812 г.

В марте 1812 г. в столицу Швеции Стокгольм под видом путешественника прибыл английский дипломат Торнтон. Инструкцией английского правительства Торнтону предписывалось завязать переговоры с русскими и сообщить, что английский дипломат Листон назначен послом в Турцию и ему поручено содействовать урегулированию отношений между Россией и Портой. В инструкции говорилось далее, что любые сообщения, которые русское правительство считает нужным сделать британскому послу в Константинополе, будут восприняты им в духе стремления способствовать урегулированию отношений между двумя державами, разногласия между которыми в настоящий момент ставят их обоих в опасное положение. В заключение инструкция гласила: «Что касается общих интересов России, хотя война прервала ее естественные дружественные отношения с Великобританией, принц-регент никогда не сможет с безразличием смотреть на то, что Франция угрожает безопасности Российской империи» (10, т. VI, прим. 388).

29 марта (10 апреля) 1812 г. состоялась первая встреча русского дипломата П. К. Сухтелена, находившегося в Стокгольме с марта месяца со специальной миссией, с Торнтоном. Встреча произошла в доме испанского дипломата Морено. После обычного обмена любезностями состоялась продолжительная беседа по актуальным вопросам внешней политики обоих государств.

Вначале переговоры шли трудно — Россия попросила у английского правительства предоставить ей заем в 4 млн. ф. ст., но англичане ей в этом отказали. Однако в дальнейшем переговоры приняли более доброжелательный характер и вскоре английский и русский дипломаты составили проект будущего русско-английского договора и Сухтелен представил его на усмотрение русского императора*.

Русско-английский союзный договор был заключен уже после вторжения наполеоновских армий в Россию: его подписание состоялось 6 (18) июля 1812 г. в шведском городе Эребру.

Таким образом, несмотря на веские причины, побуждавшие обе страны к сближению, путь их к миру и союзу оказался очень трудным и долгим. Причину этого следует искать в той двойственности английской политики, о которой говорилось выше. Именно эта двойственность побуждала английское правительство постоянно колебаться между политикой поддержки России и создания ей всяческих препятствий.

Двойственность английской политики особенно отчетливо прослеживается на ее позиции в Восточном вопросе. В интересах Англии было помочь России как можно скорее завершить затянувшуюся войну с Турцией для того, чтобы высвободить 50 тыс. солдат, скованных на Дунайском фронте: эта армия могла сыграть немало важную роль в борьбе против Наполеона. Русско-турецкая война приобрела новое значение не только для России, но и для Англии, становилась одной из центральных проблем международных отношений. На эту сторону дела еще в конце 1811 г. указывал А. Б. Куракин, когда писал Н. П. Румянцеву: «Если наш мир с Оттоманскою Портою, может быть, уже заключен теперь, или, по крайней мере, будет заключен скоро, в продолжение этой зимы, то почти можно быть уверенным, что император Наполеон не начнет войны с нами в этом году, и мы будем иметь достаточно времени обеспечить наше спокойствие и на будущее время» (45, 304). На это же указывал

* Проект мирного договора, составленный Сухтеленом и Торнтоном, с некоторыми изменениями лег в основу англо-русского мирного договора, заключенного в июле 1812 г.

Н. П. Румянцев в письме М. И. Кутузову в сентябре 1811 г. Англичане должны понимать, писал он, «что по заключению мира с Портою почти вся масса наших войск будет оставаться свободною и что сие, тревожа императора Наполеона, будет вообще стеснять его предприятія: следовательно, Англия и посреди войны с Россіей найдет величайший свой интерес сблизать Порту к примирению с нами, и посол ее в Царьграде, вероятно, не оставит склонить к тому турецкое министерство» (10, т. VI, 170).

Аналогичного мнения придерживался и военный министр М. Б. Барклай-де-Толли, который в начале января 1812 г. обратился к Александру I с письмом, в котором доказывал, что мир с Турцией явится «первым шагом, который надлежит сделать, чтобы обеспечить себе успех в войне против Франции» (10, т. VI, 269).

Таким образом, собственные интересы Англии диктовали ей политику, направленную на то, чтобы ускорить окончание русско-турецкой войны и заключение мира между Россіей и Турціей, с тем, чтобы позволить первой во всеоружии встретить вторжение Наполеона в ее пределы и ускорить разгром французских армій.

Русское правительство долго надеялось, что военные поражения заставят Турцию пойти на мир, приняв условия победителя. В марте 1811 г. на пост главнокомандующего Дунайской арміей (на смену Н. М. Каменскому) был назначен М. И. Кутузов, ученик и соратник великого Суворова. М. И. Кутузов был встречен войсками с «восторгом и радостью». Александр I недолюбливал Кутузова за его прямоту и независимость, но под давлением общественности был вынужден назначить его на этот пост, ибо в сложной международной обстановке было положительно необходимо как можно скорее заключить выгодный мир с Турціей. На решение Александра I не могло не повлиять и то, что М. И. Кутузов помимо военного таланта обладал еще и незаурядными качествами дипломата — он еще в 1793—94 гг. находился с дипломатической миссией в Константинополе и выполнил поставленные перед ним задачи с блеском.

С прибытием Кутузова военные действия активизировались, несмотря на то, что в начале 1811 г. числен-

ность Дунайской арміи была значительно сокращена*. Основные силы турецкой арміи были расположены против центра русской арміи и занимали крепости Видин и Шумлу. В начале июня 1811 г. русскому командованию стало известно, что турки готовят мощное наступление в направлении крепости Рушук (Русе). Кутузов решил принять сражение и 22 июня (5 июля) произошла битва у Рушука. Несмотря на огромное превосходство в людях**, потеряв около 5 тыс. убитыми и ранеными, турки бежали. Однако для того, чтобы принудить турок к миру, этой победы было недостаточно. Войска великого визиря, скрывшиеся в крепостях, были еще достаточно многочисленны и боеспособны. Для того, чтобы выманить турок из крепостей, М. И. Кутузов пустился на хитрость. Он в целях дезинформации говорил и настойчиво распространял слухи о поражении русских, для подтверждения чего даже взорвал крепость Рушук и отступил на северный берег р. Дуная, создав видимость отступления. В Константинополе ликовали — желаемое было принято за действительность. Оттоманская Порта считала, что русская армія обескровлена и настало время добить ее. В конце августа турецкие войска начали переправляться через Дунай, «преследуя» русских. Кутузову только этого и надо было. Дождавшись момента, когда турецкая армія была разделена на две части, Кутузов послал в обход, на другой берег Дуная, корпус генерала Маркова, который внезапным ударом уничтожил лагерь турецких войск. Переправившаяся через Дунай основная часть турецкой арміи была окружена и прижата к берегу реки недалеко от Слободзеи. М. И. Кутузов так описывал происшедшее своей дочери Елизавете Михайловне Хитрово: «Мы одержали сегодня блестящую победу над турками. Генерал Марков был послан на другой берег с корпусом в семь тысяч человек. Он сделал неожиданное нападение на турецкий лагерь и захватил его со всеми пушками и обозами. Взято мно-

* В начале 1811 г. Александр I приказал отвести за Днестр пять из девяти дивизий Дунайской арміи и четыре полка перебросить с Кавказа на Волынь для усиления 3-й («обсервационной») арміи.

** У Кутузова было немногим более 15 тыс. человек и 114 орудий, а у турок — 60 тыс. и 78 орудий.

го пленных, очень много убитых, и добыча огромна. Великий визирь находился на этом берегу, не имея способов сообщаться с другим берегом. Не знаю, что он будет делать, но невозможно, чтобы он из этого выпутался» (12, 92). В ночь на 3 (15) октября великий визирь, бросив окруженную армию, бежал в Рушук. 23 ноября (5 декабря) 1811 г. было подписано русско-турецкое соглашение о перемирии. Окруженная у Дуная турецкая армия, потерявшая к тому времени две трети своего состава, передавалась России на «сохранение».

На Кавказском театре военных действий события развивались в том же направлении. Растянutosть фронта и недостаток сил не позволили русским вести активные наступательные действия. Турция и Персия пытались договориться о создании единого фронта против России и совместном ведении войны. В конце января 1811 г. главнокомандующий русскими войсками на Кавказе Тормасов сообщал Н. П. Румянцеву, что «важное турецкое посольство с богатыми подарками приехало к владетелю Персии Баба-хану для подтверждения союза к соединенным действиям против России...» (8, т. IV, 753—754).

Весной 1811 г. был разработан план совместных персoturецких военных действий против России: он предусматривал одновременные широкие военные действия в Закавказье, конечной точкой которых был Тифлис. Но план этот не был осуществлен. Реализовать его помешали серьезные разногласия между Турцией и Персией. Пограничные конфликты, территориальные споры, особенно из-за Курдистана, религиозная рознь между суннитами и шиитами и своевременные действия русских войск на стыке границ Персии и Турции сорвали этот план.

Русские солдаты под командованием полковника П. С. Котляревского блестяще завершили кампанию 1811 г. на Кавказе. В ночь с 19 на 20 декабря русские войска успешным штурмом взяли крепость Ахалкалаки — важный опорный пункт турок в Закавказье.

Военное поражение летом 1811 г. у Рушука заставило Порту искать пути к примирению с Россией. Великий визирь соглашался даже признать границей между двумя империями реку Серет, но султан не одобрил этой

уступки. Однако 19 (31) октября в Журжеве (Джурдже) начались заседания мирной конференции.

Во время этих переговоров произошел один интересный инцидент. Русский переводчик А. Фонтон записал в своем отчете о беседе с великим визирем (дата отчета не указана), что визирь заявил ему о своем желании заключить между Россией и Турцией оборонительный и наступательный союз.

Тогда идея такого союза была весьма холодно воспринята русским правительством, хотя позднее, к лету 1812 г., заключение союзного договора с Турцией было положено в основу переговоров, которые вели с турками М. И. Кутузов, А. Я. Италинский и П. Б. Чичагов. Английский поверенный в делах в Константинополе Стрэтфорд Каннинг впоследствии (7 июня 1812 г.) писал упоминавшемуся выше герцогу Серра-Каприоле, что это предложение визиря не было согласовано с его правительством и дало повод для одного из обвинений, выдвинутых против великого визиря после заключения Бухарестского мира (10, т. VI, прим. 263).

К концу октября 1811 г. в Журжеве были обсуждены и приняты все основные статьи будущего русско-турецкого договора. Однако в середине ноября глава турецких представителей на переговорах Галиб-эфенди заявил, что султан не утвердил основ выработанного договора. Переговоры были прерваны и возобновились лишь в последний день 1811 г.

М. И. Кутузов, пожалуй, лучше других понимавший, как важен и необходим для России мир с Турцией, решил на шаг, который, по всей видимости, сыграл позднее важную роль в заключении мира — разрешил турецким уполномоченным остаться в Бухаресте и после прекращения переговоров, не желая окончательно исключить возможность возобновления этих переговоров.

Исчерпав военные возможности принудить Турцию к миру, царское правительство стало разрабатывать нереальные проекты экспедиции против Константинополя. 16 февраля 1812 г. Александр I даже подписал рескрипт М. И. Кутузову о том, что, по его мнению, следует «произвести сильный удар под стенами Царьграда совокупно морскими и сухопутными силами» (52, 745—746). Главнокомандующий Дунайской армией был против подоб-

ной экспедиции, ибо был прекрасно осведомлен о неудовлетворительном состоянии Черноморского военного флота.

В начале марта 1812 г. турецкие представители внесли в переговоры новое осложнение, предложив, чтобы в мирные переговоры между Россией и Турцией была включена и Персия. В то же время они потребовали устранения из договора статьи об Азии, угрожая, что только тогда они согласятся обсуждать остальные статьи. М. И. Кутузов немедленно информировал Н. П. Румянцева об этом.

Однако в данной ситуации предложение турецкого правительства не упоминать о кавказских границах в будущем мирном договоре объективно было выгодно России, ибо давало возможность русскому правительству отложить решение этого вопроса до лучших времен, тем более, что Грузия, Мегрелия и Абхазия уже присоединились к России, а другие стратегически важные пункты на Кавказе и в Закавказье находились под контролем русских вооруженных сил. Подтверждением этого тезиса служит секретное письмо Н. П. Румянцева М. И. Кутузову, в котором министр иностранных дел информировал главнокомандующего Дунайской армией о невозможности «согласиться на возвращение Порте областей, добровольно вступивших в подданство России...» и продолжал, что Александр I приказал «прибавить, что ежели бы турецкие полномочные, не согласясь на предполагаемую нами меру касательно азиатской границы, готовы б, однако ж, были подписать мир при согласии нашем на их по сей статье предложение, то есть, чтобы в мирном трактате об Азии было совсем умолчано, то его величество уполномачивает ваше сиятельство и на сие согласиться, дав только им выразуметь, что в таком случае, само собой разумеется, войска наши из занимаемого там ими края уже не выступят» (5, д. 1932, л. 361).

Что же касается заключения договора одновременно с Турцией и Персией, то министр иностранных дел России предписывал А. Я. Италинскому «уведомить турецких уполномоченных, что он (Александр I — Д. Г.) ни в коем случае не согласится на то, чтобы Порта включила в свой мирный договор с Россией какие бы то ни было условия относительно восстановления мира с Пер-

сией. Войны, которые его императорское величество ведет с этими двумя державами, являются разными войнами, и их завершат разные договоры, но вы можете сообщить г-ну Каннингу, что император не желает ничего лучшего, как заключить мир также и с Персией, и что он может, если сочтет нужным, сообщить об этом его коллеге, находящемуся при дворе Баба-хана. Почему бы тегеранскому и константинопольскому дворам не думать, что петербургский и сентджемский кабинеты, хотя между ними пока еще и нет единства, дают друг другу доказательства взаимного уважения и предвидят возможность и полезность восстановления между ними отношений доброго согласия» (10, т. VI, 316—317).

Видя невозможность силой принудить турецких представителей пойти на заключение мира, русское правительство решилось на более реалистический путь — смягчение территориальных притязаний к Турции. Вместе с тем, это решение должно было усилить в Турции позиции сторонников мира.

Мнение о необходимости смягчения территориальных притязаний к Османской империи выражали многие русские государственные деятели. Например, А. Б. Куракин сообщал Румянцеву об активной подготовке Франции к войне с Россией и предлагал «отложить до более благоприятного времени присоединение Валахии и Молдавии», так как война с Турцией «ослабляет к выгоде императора Наполеона наши военные силы точно так же, как война с Англией истощает источники нашего внутреннего благосостояния». А. Б. Куракин считал, что положительно необходимо договориться «хотя бы тайно с Англией, чтобы обеспечить себе ее поддержку в случае нападения на нас, пообещав ей отойти от принципов континентальной системы» (10, т. VI, 145).

Эту реалистическую точку зрения разделял и Кутузов. Еще в августе 1811 г. он обратился к своему начальнику с просьбой смягчить условия мира для Турции. 20 августа (1 сентября) командующий Дунайской армией писал военному министру М. Б. Барклаю-де-Толли: «...Ежели разрыв с Францией застанет нас в войне с турками, тогда сии последние будут в необходимости переменить свою систему, разорвать с Англией и

тесно связаться с французами; тогда иметь будем одного неприятеля более» (13, 555).

Видимо, понимая, что эта угроза была вполне реальной, в сентябре 1811 г. М. И. Кутузову из С.-Петербурга была прислана инструкция, в которой излагались новые, несколько смягченные условия мирных переговоров с Турцией. В инструкции русские требования ограничивались Молдавией и Бессарабией, а если и это будет неприемлемо, то предлагалось удовольствоваться границей по реке Серет и по Дунаю до впадения его в Черное море. За уступку Валахии предлагалось потребовать от Порты денежную компенсацию. Судьбу Сербии следовало определить в соответствии с пожеланиями самих сербов, а в Грузии установить границу по берегу Черного моря на основании *uti possidetis*.

Остальные пункты будущего договора были оставлены на усмотрение Кутузова. Позже условия договора были еще более смягчены — Н. П. Румянцев разрешил Кутузову «не упорствовать относительно денежных требований взамен Валахии».

Турки и здесь проявили неуступчивость. В частности они потребовали установить границу между двумя империями по р. Прут. Это предложение было отвергнуто русской стороной.

В мае 1812 г. Кутузов обратился к министру иностранных дел России Н. П. Румянцеву с предложением сократить далее территориальные притязания к Турции и ограничить их одной Молдавией — русский военачальник справедливо полагал, что турецкое правительство не согласится потерять оба Дунайских княжества. Однако Н. П. Румянцев считал, что Молдавия и Валахия уже завоеваны Россией, и Турция сможет вернуть их только силой. Таким образом, русско-турецкие переговоры снова зашли в тупик.

Чем объясняется неуступчивость турецкого правительства и его делегатов? О военном реванше оно не могло и думать: перевес сил на стороне России был слишком очевидным. На окончание войны и мир Турцию толкала и внутренняя обстановка в стране — политическая неустойчивость, всевластие янычар, наконец, экономические соображения: содержание большого войска и расходы на вооружение вконец опустошили казну сул-

тана. Если в этих условиях Османская Порта затягивала переговоры, то в значительной степени это объясняется интригами французской дипломатии.

Последняя была более всех заинтересована в том, чтобы затянуть русско-турецкую войну и связать русские войска, истощить их силы и таким образом ослабить сопротивление. Наполеон отводил турецкой армии важную роль на своем крайнем правом фланге против России. Позднее Ламартин в своей книге по истории Турции утверждал, что «наступательный союз с Махмудом II и вспомогательная армия, направленная на Дунай через Далмацию, еще до вторжения Наполеона в Россию приковала бы к Дунаю и Пруту 30 000 русских и предотвратила бы страшную катастрофу на Березине» (31, 128).

Уже упоминавшийся сицилийский посланник в Константинополе в ноябре 1811 г. в письме А. Я. Италиному справедливо говорил: «Наполеон имеет веские причины желать, чтобы война затягивалась... Он формально предложил Турции не заключать мира с Россией», обещал со временем вернуть Турции все земли, которые она была вынуждена уступить России в результате последних войн, «если только Порта возьмет на себя обязательство не вести переговоров с Россией без его ведома...» (5, д. 1982, л. 26).

Руководствуясь этими соображениями, французские дипломаты всячески мешали России заключить мир с Турцией, даже во время расцвета русско-французских отношений. Вся деятельность французского посла в Константинополе Себастиани обнаруживает стремление Наполеона использовать Турцию против России.

Имея в виду ту же цель, 21 января 1812 г. Наполеон направил в Константинополь предложение о военном союзе, направленном против России. Тайный договор предусматривал нападение на Россию 100-тысячной турецкой армии, в случае начала франко-русской войны. В свою очередь, Франция гарантировала возвращение Турции Молдавии, Валахии и Крыма (49, 222).

Расчеты Наполеона были опровергнуты Кутузовым, который окружил в начале октября турецкую армию у Слободзеи и принудил Османскую Пору начать с русским правительством переговоры о мире. Узнав об этом, Наполеон в бешенстве воскликнул: «Ну, кто пой-

мет этих собак, этих негодяев турок, допустивших себя побить таким образом! Кто мог это предвидеть?» — Немедленно из Парижа в Константинополь был послан генерал А. Ф. Андреоси, чтобы побудить турецкое правительство к продолжению войны, однако воевать у турок не было ни средств, ни желания. Они надеялись, «пользуясь грозой, наступавшей с Запада, помириться с Россией без больших уступок» (20, 69).

Параллельно с французской и в том же направлении на Порту воздействовала и австрийская дипломатия. Австрия угрожала, что если Россия принудит Турцию заключить мир и при этом на предложенных Россией условиях, то она еще теснее сблизится с Францией. Министр иностранных дел Австрии придерживался мнения, что «всякий мир с Турцией будет невыгоден для Австрии, если Россия что-либо приобретет» (49, 221). Именно в таком направлении и действовали австрийские дипломаты в Константинополе. Показателен тот факт, что австрийский интернунций (посол) в Константинополе Штюрмер получил от Наполеона, в награду, 10 тысяч луидоров, а также от своего правительства орден св. Стефана за то, что всячески старался затянуть русско-турецкие мирные переговоры (5, д. 1982, л. 333).

Австрия опасалась, что в результате русско-турецкого мира к России отойдут турецкие владения в Европе — Молдавия и Валахия, на которые она сама имела виды. Надежда же поживиться за счет европейских владений Турции, с помощью Наполеона, окрепла в Австрии после брака французского императора и сестры австрийского императора Марии-Луизы.

Руководствуясь теми же соображениями, австрийское правительство прямо поддержало и французское предложение Порте о союзе, заявив о своей готовности направить австрийских офицеров в турецкую штаб-квартиру для разработки плана совместного похода против России.

Какую позицию в русско-турецком конфликте занимала Англия и какую роль сыграла она в заключении мира? По этому вопросу мнения историков разделились.

В западно-европейской и американской историографии преобладает мнение о том, что английская дипломатия сыграла важную и целиком положительную роль

в разрешении русско-турецкого конфликта и в заключении мира.

Мнения о положительном влиянии английской дипломатии в заключении русско-турецкого мирного договора придерживались и русские историки Д. Бутурлин, Ю. Гагемейстер, А. Петров, В. Уляницкий и др.

Среди советских историков нет единодушного мнения о том, положительную или отрицательную роль сыграла Англия в заключении Бухарестского мирного договора.

Известные советские историки Л. Г. Бескровный и Н. И. Казаков (32, 521—525) придерживаются мнения, что Англия отрицательно влияла на переговоры, стараясь всячески их затянуть. В доказательство этого тезиса Н. И. Казаков приводит письмо М. И. Кутузова Н. П. Румянцеву (13, 831), датированное 4 (16) марта 1812 г., в котором главнокомандующий Дунайской армией обвинил англичан в затягивании русско-турецких переговоров. М. И. Кутузов высказывал подозрение, что именно под прямым влиянием английского поверенного в Константинополе Стрэтфорда Каннинга турки потребовали включения Персии в мирные переговоры. Однако М. И. Кутузов не подкреплял своего подозрения никакими доказательствами. Позднее Серра-Каприола писал П. В. Чичагову о том, что предложение относительно заключения мира с Персией и Турцией одновременно исходит не от английского правительства и добавлял: «По этому поводу имперский канцлер (мин. ин. дел Англии — Д. Г.) мне писал, что Его Величество имел в виду заключить их (договоры России с Турцией и Персией — Д. Г.) отдельно, а Ваш кабинет по этому вопросу имел противоположную точку зрения» (5, д. 2003, л. 6).

Другие советские историки, напротив, положительно оценивают роль Англии в заключении Бухарестского мирного договора между Россией и Турцией. Так, ленинградский исследователь И. Г. Гуткина писала: «Сент-Джемский кабинет еще до восстановления официальных дипломатических отношений с Россией дал указания своим дипломатам в Константинополе содействовать скорейшему заключению мира между Турцией и Россией» (26, 55). По мнению другой исследовательницы — английская дипломатия «содействовала заключению ми-

ра, будучи заинтересована в переброске русских сил с Балканского фронта на фронт войны против Наполеона» (34, 218). К этому мнению в сущности склоняется и Н. Муньков, исследователь деятельности Кутузова: по его мнению, «Англия в официальных заявлениях поддерживала Россию» и это сыграло известную роль в заключении мира (38, 84—85).

Расхождения в оценке английской политики протекают в значительной мере из характера этой политики и отражают сложность реальной жизни, а именно, двойственность английской позиции, о которой говорилось выше. Дело в том, что английское правительство, несмотря на всю заинтересованность в военном усилении России в Европе для отпора Наполеону, в то же время стремилась не допустить расширения Российской империи в Азии, надеясь сделать Кавказ и Закавказье объектом своей колониальной экспансии, обеспечить свое господство в Индии, предотвратить возможность контроля России над Черноморскими проливами и в Восточном Средиземноморье. В этом вопросе сказывались и общие колониальные интересы английской буржуазии, побуждившие ее опасаться усиления России на Востоке. Эту двойственность и противоречивость хорошо подметила О. П. Маркова, которая, отмечая помощь со стороны Англии в заключении русско-турецкого мира, одновременно приводит убедительные примеры противодействия англичан завоеваниям России на Кавказе. О стремлении англичан не допустить усиления России в Закавказье писал и А. В. Фадеев (56, 182—187). В дополнение к фактам, о которых говорили эти авторы, следует привести поведение англичан в Персии. В документах этой поры мы находим многочисленные примеры военной поддержки этой страны со стороны Англии. В 1811 г. главнокомандующий русскими войсками на Кавказе Тормазов сообщал военному министру М. Б. Барклаю-де-Толли, что в Персии под руководством английских офицеров формируются регулярные войска и что англичане «выливают также пушки, снабжают английскими ружьями, обучают артиллеристов и делают во многих местах укрепления». Имеются данные о том, что в конце 1811 г. «Англия снабдила Персию 12 орудиями, 12 000 заряда-

ми, 12 000 ружей и сукном для обмундирования 12 000 человек» (8, т. IV, 756, 761).

Начиная с 1809 г., после заключения союзных договоров с Турцией и Персией, английская дипломатия предпринимала все усилия для того, чтобы сколотить военный союз между султанской Турцией и шахской Персией, направленный против России. В этом направлении действовали английские посланники в Тегеране и в Константинополе — Хартфорд Джонс и Роберт Эдейр.

Интересно отметить, что английское правительство и после заключения мира с Россией продолжало поощрять Персию к продолжению войны и препятствовало России заключить с ней выгодный мирный договор. В начале сентября 1812 г. главнокомандующий русскими войсками на Кавказе Н. Ф. Ртищев в своем письме английскому послу в Персии — Оузли выразил недоумение по поводу участия английских офицеров в военных действиях персидских войск против России. Английский посол наивно оправдывал действия англичан тем, что им, якобы, было неизвестно о заключении мира (8, т. V, 664).

Разумеется, подобные действия английской дипломатии должны были порождать в Константинополе надежды на помощь со стороны Англии против России и таким образом усиливать в турецких руководящих кругах позиции непримиримых противников соглашения с Россией. Это и порождало мнение о политике Англии, направленной против России.

Однако реализм в английской политике в конечном счете взял верх. Хотя английское правительство и не желало усиления России на Кавказе и на Балканах, все же оно было вынуждено помочь России заключить мир с Турцией, правда, с наименьшими для последней территориальными потерями, чтобы Россия могла во всеоружии встретить французскую опасность на Западе. Это было в интересах самой Англии, ибо значительно повышало ее шансы на успешное завершение многолетней борьбы с Францией за господство в Европе и в колониальном мире.

Политика Англии в отношении русско-турецкой войны, во всяком случае на ее завершающем этапе, по существу отождествляется с действиями английского дип-

ломата Стрэтфорда Каннинга. Его самостоятельная дипломатическая деятельность началась весной 1810 г. В газете «Московские ведомости» от 21 мая 1810 г. было напечатано сообщение из Константинополя от 16 февраля: «Английский посланник, по причине болезни своей, готовится к отъезду. Один из секретарей его, Каннинг, племянник бывшего статс-секретаря иностранных дел, остался в качестве поверенного в делах». С 1810 г. в Турции не было английского посла и функции дипломатического представителя выполнял С. Каннинг.

Осенью 1811 г. в России стало известно о решении английского правительства послать в Константинополь своим послом Роберта Листона, что в России расценили, как желание Англии способствовать заключению мира между Россией и Турцией.

Надеждам русского правительства на активную помощь Англии в заключении мира с Турцией не суждено было сбыться так скоро — приезд Р. Листона в Константинополь откладывался на неопределенное время. В конце января 1812 г. он заявил турецкому посланнику в Лондоне, что задерживает свой выезд в Константинополь потому, что еще не вполне ясна общая линия поведения русского и английского правительств в отношении будущей Османской империи. Забегая вперед, отметим, что Р. Листон прибыл в Турцию только в июне 1812 г., когда мир России с Турцией был уже заключен.

Таким образом, в отсутствие посла все его обязанности пали на плечи молодого поверенного в делах 23-летнего Стрэтфорда Каннинга. Положение последнего осложнялось тем, что из Лондона он получал ничтожно мало указаний: за два года его деятельности в Константинополе в качестве поверенного английского правительства он получил из Лондона всего 16 депеш. На просьбу об отставке, направленную Каннингом в Англию вскоре после отъезда Р. Эдейра, он вообще не получил ответа, а о назначении Р. Листона послом в Турции он узнал только из газет.

Положение английского дипломата в Константинополе было трудным. Так, например, его выступления в пользу мира с Россией встречались с недоверием: турки подозревали, что Англия находится в тайном сговоре с Россией и намеревается предать интересы Турции.

Реис-эфенди (министр иностранных дел — Д. Г.) отказывался даже информировать С. Каннинга о ходе мирных переговоров с Россией (5, д. 1985, л. 12).

Надо отдать справедливость С. Каннингу. Он обладал достаточно трезвым и здравым умом, чтобы, игнорируя груз накопившихся предубеждений в отношении России, смело и решительно действовать в пользу русско-турецкого мира. Он понимал, что будущее Европы будет решаться в предстоящей борьбе Франции с Россией и что в интересах самой Англии примирить Россию и Турцию. Конечно, С. Каннинг действовал по уполномочию своего правительства, выполняя задания последнего, и получал от него санкцию на свои поступки. Так было, например, в том случае, когда в Англии узнали о попытке наполеоновской дипломатии навязать Турции союз с Францией. По поручению английского правительства С. Каннинг заявил, что в случае заключения этого союза Англия силой завладеет проливами Босфор и Дарданеллы и английский флот разрушит столицу Османской империи (66, 394).

Демарш С. Каннинга, своевременность его выступления и решительный тон оказали на Порту отрезвляющее действие. Но в некоторых случаях С. Каннинг действовал даже не дожидаясь указаний. Так, он по своей инициативе ознакомил Реиса-эфенди с секретными бумагами, оставленными ему бывшим английским послом в Турции Эдейром, в частности с планами раздела Османской империи между Австрией и Францией. Эта информация оказала определенное влияние на позицию Турции на заключительном этапе русско-турецких переговоров. Это подтверждается хотя бы тем, что после заключения русско-турецкого мира Александр I распорядился послать подарок Каннингу и выразил ему благодарность за содействие в заключении мира между Россией и Портой.

Свою главную задачу С. Каннинг усматривал в том, чтобы ускорить заключение мира между Россией и Турцией и с этой целью был готов взять на себя трудную миссию посредничества между ними. По выражению английских историков, Стрэтфорд Каннинг «прилагал все усилия, чтобы убедить Россию ограничить свои тре-

бования, а Турцию — забыть свою гордость и подозрительность» (73, 390).

Бывший секретарь русского посольства в Константинополе П. Фонтон, выполнявший отдельные поручения М. И. Кутузова во время мирных переговоров в 1811—1812 гг. рапортовал главнокомандующему Дунайской армией 4 марта 1812 г., что ему стало известно, о том, что С. Каннинг заявил Галибу-эфенди: «Он (Каннинг — Д. Г.) говорил о необходимости для Порты ускорить сближение с Россией и подумать о досадных последствиях для Оттоманской империи, если из-за какого-либо события Франция, в силу своих взаимоотношений с Россией, встанет на позицию вмешательства в эту частную ссору России с Портой» (5, д. 1982, л. 119).

Посреднические усилия С. Каннинга оказались особенно кстати на последнем этапе русско-турецких переговоров, когда позиция турецких представителей фактически завела переговоры в тупик.

Повод для посреднического выступления представился в начале 1812 г., когда после окружения М. И. Кутузовым турецкой армии при Слободзее, турецкие официальные лица обратились к С. Каннингу с тем, чтобы он, не дожидаясь приезда Листона, начал переписку с русским правительством, т. е. фактически принял бы на себя посредничество в примирении России с Турцией.

Предложение о посредничестве С. Каннинг принял. Однако, когда турки попытались узнать у Каннинга о существующих между Россией и Англией взаимоотношениях и выяснить, «какое участие Англия могла бы или хотела бы принять в мирных переговорах между Россией и Портой», английский поверенный ответил уклончиво, сославшись на отсутствие информации и инструкций на этот счет (5, д. 1982, л. 64—65).

Принимая посредническую миссию, английский дипломат со своей стороны выдвинул следующие условия: Турция посвящает только Англию в ход переговоров с Россией и отклоняет все предложения России, которые вредят Англии. В то же время турецкие представители будут уполномочены отдать все земли восточнее р. Прут, при условии, что Россия откажется от аннексий в Азии и не пожелает восстановить все привилегии, которыми она обладала в Турции раньше.

Получив согласие Оттоманской Порты на выдвинутые им условия, на которых он соглашался посредничать в русско-турецких переговорах, С. Каннинг сразу же принялся за дело. В феврале 1812 г., хотя Россия и Англия юридически были в состоянии войны друг с другом, он «ввиду серьезности положения» пренебрег «дипломатическими формами» и обратился к А. Я. Италинскому с письмом, в котором уверял русского уполномоченного на Бухарестском конгрессе, что Англия всегда горячо желала, чтобы между Россией и Турцией царил мир и согласие, и что она всячески будет стараться примирить Россию с Портой и призывал русское правительство пренебречь собственными интересами «во имя всеобщего блага». Далее Каннинг писал, что Турция стремится к миру, но препятствием служат слишком жесткие русские требования, предъявляемые ей, и что турецкое правительство твердо решило не заключать мир, пока Россия будет настаивать на своих первоначальных требованиях. В заключение он писал: «Надеюсь, вы ясно представляете себе, что будет вынуждена предпринять Англия в силу тесных связей, объединяющих ее с Портой и Персией, если будет упущен случай достичь желанной цели, несмотря на миролюбивые намерения, проявленные Турцией. Те препятствия, которые могли бы встать в связи с этим на пути к эвентуальному сближению обоих наших дворов, заслуживают внимания вашего превосходительства» и подчеркивал, что «заключение мира между Россией и Портой — это устранение еще одного препятствия на пути к миру между Россией и Англией» (5, д. 1985, л. 4—6). Одновременно он через герцога Серра-Каприолу обратился к русскому правительству с призывом смягчить русские требования, предъявляемые Турции, и заверил, что будет стремиться примирить Россию с Турцией, несмотря на то, что отношения между Россией и Англией оставляют желать лучшего, ибо «война между Россией и Портой слишком сильно касается всеобщего благополучия в Европе, чтобы Англия могла бы относиться к ней безразлично» (5, д. 1985, л. 12).

С. Каннинг всячески афишировал, что предпринятые им попытки контакта являются личной инициативой, тем

не менее, надо полагать, что эти демарши были им приняты с ведома своего правительства.

Призывая русское правительство смягчить территориальные притязания к Османской империи, С. Каннинг побуждал Оттоманскую Порту к миру, хотя бы и с территориальными потерями. Он писал Галибу-эфенди: «Поскольку война на Балканах связывает царскую армию, царь будет стремиться избежать осложнений с Наполеоном, а так как Турции нужно, чтобы ее противники были разьединены, то в ее собственных интересах путем мира с Россией уничтожить последнюю возможность соглашения между Наполеоном и Александром. Поэтому в интересах Порты принести любые жертвы для окончания войны, которые совместимы с безопасностью империи» (68, 100). При этом он был прекрасно осведомлен, что у турок нет никаких шансов не только на победу, но и на более или менее успешное завершение этой войны.

В конце апреля С. Каннинг направил в Бухарест под видом путешественника английского офицера Гордона, чтобы тот был связующим каналом между Британским посольством в Константинополе и полномочным представителем России А. Я. Италинским. Он привез Италинскому письмо С. Каннинга, датированное 20 апреля и был уполномочен сделать ряд устных заявлений. В частности, он сказал Италинскому, что, несмотря на усилия французских агентов, Оттоманская Порта предполагает следовать своей собственной политике, «пока остается возможность договориться с Россией» и предупредил, что в случае продолжения войны Турция будет вынуждена теснее сблизиться с Францией и Австрией. В письме А. Я. Италинскому С. Каннинг сообщал, что австрийскому посланнику в Константинополе поручено сообщить турецкому правительству о заключении союзного наступательного и оборонительного договора между Францией и Австрией, одним из условий которого является сохранение территориальной целостности европейских владений Османской империи, и что Франция стремится склонить Турцию соединить свои силы с Австрией в будущей войне против России (5, д. 1985, л. 21 об.).

Находясь в Бухаресте, Гордон был принят М. И. Кутузовым. Во время довольно продолжительной беседы

русский главнокомандующий поинтересовался мнением Гордона о политической ориентации Турции в настоящий момент: «Склонна ли Порта связать себя с Францией или хочет остаться в дружбе с Россией и Англией?» Гордон на этот вопрос ответил уклончиво, заявив, что, по его мнению, «Турция не собирается покупать мир за счет значительных территориальных уступок» (73, 601).

Ответ английского офицера наглядно иллюстрирует двойственность политики Великобритании в отношении русско-турецкой войны — с одной стороны, стремление примирить Россию с Турцией, дабы полностью развязать России руки для предстоящего отпора наполеоновской агрессии, а с другой — не допустить усиления России на Балканах, и особенно на Кавказе. В этой связи следует еще раз вспомнить о третьем пункте условий, на которых С. Каннинг согласился посредничать в русско-турецких переговорах и о которых говорилось выше.

Гордон покинул Бухарест 4 (16) мая. Он вез английскому поверенному ответное письмо А. Я. Италинского, в котором последний призывал Каннинга приложить все усилия для противодействия влиянию Франции на Османскую империю и способствовать скорейшему заключению мира между Россией и Турцией, тем более, что и Англия была в этом весьма заинтересована.

19 апреля 1812 г. в Бухаресте возобновились конференции между русскими и турецкими уполномоченными по заключению мирного договора. Турецкая сторона вновь выдвинула свои условия мирного договора, явно неприемлемые для России. Она требовала восстановления довоенного положения в Азии, установления границы между двумя империями по р. Прут и заключения Россией мира с Персией. В свою очередь Турция обязывалась обеспечить безопасность сербам.

М. И. Кутузов объяснил новые турецкие условия, как желание турецкого правительства затянуть переговоры и, пользуясь неблагоприятной международной обстановкой для России, склонить ее к миру с наименьшими уступками со стороны Турции. Со стороны Кутузова эти условия вызвали самый решительный отпор.

А. Я. Италинский расценивал требования Оттоманской Порты, как стремление затянуть переговоры до тех пор, пока с Россией «произойдет какое-либо бедствие»

и считал, что «система, из-за которой Порты оттягивает заключение мира с Россией, не устраивает в настоящее время Великобританию и бьет непосредственно по ее интересам» (5, д. 1985, л. 21).

Однако, благодаря дипломатическому таланту Кутузова переговоры не только не были прерваны, но менее чем через месяц — к 5 (17) мая были выработаны предварительные условия мирного договора, а спустя 11 дней, 16 (28) мая в Бухаресте долгожданный договор был подписан.

Что позволило Кутузову на этом этапе преодолеть трудности, которые казались неодолимыми?

По-видимому, решающую роль в повороте турецких делегатов сыграли два обстоятельства. Первым было письмо Наполеона к Александру I, в котором он ратовал за сохранение теснейшей связи между Россией и Францией и вновь предлагал русскому правительству раздел европейских владений Османской империи. Разумеется, это письмо, которое имело главной задачей усыпить бдительность царя, не было всерьез принято в Петербурге — слишком очевидной была подготовка Наполеона к войне с Россией. Однако оно сыграло весьма неожиданную роль. Министр иностранных дел России переслал М. И. Кутузову текст письма Наполеона и рекомендовал ему ознакомить с этим письмом турецких представителей на мирных переговорах, находящихся в Бухаресте, «дабы нейтрализовать действия французских и австрийских агентов и склонить Порту к миру». Кутузов так и сделал — сообщил главе турецких уполномоченных Галибу-эфенди о французских планах раздела Османской империи и ознакомил его с письмом, присланным Н. П. Румянцевым. Галиб-эфенди воспринял сообщение М. И. Кутузова «с полной верою... и тронут был великодушным подвигом и откровенностью государя императора...» (13, 843).

Письмо Наполеона, разоблачавшее его лицемерие, показало туркам опасность, которую несла им «дружба» французского императора.

Другим обстоятельством, ускорившим поворот Турции, явилось дальнейшее смягчение русским правительством условий русско-турецкого мира. Это сыграло свою роль — Оттоманская Порта выразила желание возобно-

вить прерванные русско-турецкие мирные переговоры. Основой для переговоров должна была послужить инструкция М. И. Кутузова, санкционированная царем. Она предлагала установить границу по р. Серет, предоставить решение внутреннего устройства Сербии в согласии с волей ее населения и сохранение на пять лет существующих границ в Азии.

Несколько раньше, в марте 1812 г., М. И. Кутузову было разрешено в случае необходимости сделать уступку туркам на Кавказе, а в крайнем случае и согласиться на установление границы между Османской империей и Россией по р. Прут у впадения ее в Дунай, однако на эту уступку разрешалось идти только в случае согласия турецкого правительства заключить с Россией союзный договор. Вероятно, немаловажную роль в успехе затянувшихся русско-турецких переговоров о мире сыграли и выдающиеся дипломатические способности Кутузова.

Следует сказать, что между 5 (17) мая и 16 (28) мая, т. е. между подписанием прелиминарного и окончательного текстов мирного договора произошло важное событие: М. И. Кутузов был отставлен и отозван в Петербург.

Александр I был чрезвычайно недоволен деятельностью М. И. Кутузова по заключению мира с Турцией, обвиняя его в «медлительности». Русский император, очевидно, не понимал трудности задачи, поставленной перед русским военачальником — заключить выгодный для России мир с Османской империей при условии явной недостаточности войск на Балканском фронте и при активном противодействии французской и австрийской дипломатий. Задача Кутузова осложнялась еще и тем, что русский император требовал теперь уже не только мира, но и заключения союзного договора с Османской империей. Определенную роль играла и неприязнь Александра I к М. И. Кутузову, возникшая еще во время Аустерлицкого сражения. На место М. И. Кутузова 9 (21) апреля 1812 г. главнокомандующим Дунайской армией был назначен адмирал П. В. Чичагов. Ему был вручен рескрипт Александра I М. И. Кутузову в двух вариантах — на случай, если мир с Турцией уже заключен и если мир еще не заключен. В обоих случаях Кутузову предлагалось сдать командование над русской армией П. В. Чичагову и возвратиться в С.-Петербург. Однако

П. В. Чичагов прибыл в Бухарест, штаб-квартиру Дунайской армии, 6 (18) мая, то есть на следующий день после подписания прелиминарного русско-турецкого мирного договора. Следовательно, заслуга в заключении русско-турецкого мирного договора в Бухаресте полностью принадлежит М. И. Кутузову.

П. В. Чичагову была вручена инструкция Александра I, датированная 9 (21) апреля, в которой обрисовывались задачи, поставленные перед новым русским главнокомандующим. Значительное место в инструкции занимали планы создания ополчения из славянских народов, подвластных в недалеком прошлом Турции, с целью произвести совместно с ними «сильную диверсию на правом крыле французских владений... Целью сей диверсии противу Франции быть должно завоевание Боснии, Далмации и Кроации и направление ополчения сего на важнейшие пункты, лежащие на берегу Адриатического моря, предпочтительно же на Триест, Фиум, Бокка ди Катаро и проч., дабы, учредив по удобности из которого-либо пункта сношение с английским флотом, устремить старания наши к достижению Тироля и Швейцарии, для действия в соединении с сими храбрыми и нынешним правлением недовольными народами». Интересно то, что этим планом предусматривалось, что вооружение, боеприпасы, материальная, а также военно-морская поддержка диверсии будет осуществляться Англией. Кроме того, в обязанность Чичагова вменялось заключение союзного оборонительного договора с Турцией (10, т. VI, 363—365).

Из инструкции видно, что несмотря на то, что Англия и Россия юридически находились в состоянии войны друг с другом, русское правительство считало мир с Англией свершившимся фактом и отводило Англии видную роль в предстоящей войне с Францией. Министр иностранных дел России Н. П. Румянцев так определял роль Англии в предстоящей войне: «Она должна содействовать общему делу своими морскими силами, боеприпасами и провиантом и стать своего рода казначеем воюющих наций; она должна быть готова предоставить необходимые им денежные средства с тем, чтобы использовать все их военные силы в войне против подлинного и истинного врага Британской империи и обеспечить им

возможность в случае необходимости вести войну в течение длительного времени. Впрочем, от Англии не требуют ничего сверх того, что бы ее собственные интересы уже заставили ее предпринять, а те дополнительные издержки, о которых идет речь, будут с лихвой возмещены благодаря тому, что ей не придется более производить огромных затрат на вооруженные приготовления против России и Швеции...» (10, т. VI, 378).

Бухарестский мирный договор состоял из 16 основных и двух отдельных секретных статей. К России были присоединены Бессарабия и часть Молдавии. Граница между Россией и Турцией устанавливалась по реке Прут. Оттоманская Порта была вынуждена предоставить Сербии автономию и подтвердить свое согласие восстановить прежние привилегии Молдавии и Валахии. На Кавказе Турции возвращались территории, завоеванные русскими войсками.

Секретными статьями предусматривалось разрушение крепостей Измаил и Килия, расположенных на территории, перешедшей по договору к России, и предоставление ей части Черноморского побережья «для обеспечения и облегчения доставки военных припасов и другого необходимого снаряжения» русской армии на Кавказе.

Формулировка VI статьи мирного договора относительно границ в Азии позволила России сохранить под своим владычеством Имеретию, Гурию, Мегрелию и Абхазию, как добровольно присоединившиеся к Российской империи.

Значение мирного договора, заключенного в Бухаресте, трудно переоценить. Освободившаяся Дунайская армия увеличила противостоящие Наполеону вооруженные силы России на 50 тыс. человек. Правда, переговоры с Турцией были завершены слишком поздно, чтобы помешать нашествию наполеоновской армии, но Дунайская армия сыграла большую роль при отступлении французов. Некоторые английские историки придерживаются мнения, что русско-турецкий мирный договор во многом предопределил неудачный исход «русской кампании» Наполеона и способствовал его окончательному падению.

Сам Наполеон впоследствии говорил, что «если бы он предвидел, как поведут себя турки в Бухаресте и шведы в Стокгольме, то он не выступил бы против России в 1812 г.» (52, 748). О «великих выгодах» этого договора для России писали многие русские и советские историки. В целом этот договор знаменовал определенную политическую победу России над Францией.

Следует заметить, что и для самой Турции этот договор был своевременным. Как замечает С. Соловьев, «султан не мог продолжать войну с Россией. Ресурсы были истощены, регулярного войска осталось 15 000, бунтовали янычары, паши стремились к независимости...» Этим объясняется, что чрезвычайный совет, созванный по этому случаю для обсуждения договора, утвердил его почти единогласно: из 54 участников 50 человек подали голоса за мир.

Общественность России с восторгом восприняла весть об окончании затянувшейся войны против Турции и о заключении мира. М. Б. Барклай-де-Толли, получив известие о договоре, на радостях писал командующему 3-й Западной армией генералу А. П. Тормасову: «Мир с турками, ныне благополучно заключенный, доставляет России важные выгоды и я спешу поздравить ваше высокопревосходительство с радостным сим событием». Договором был доволен и царь: он назвал его «богодарованным».

Заключение мира в этот момент повергло противников России в недоумение. Французский консул в Бухаресте Леду несколько раз выражал свою уверенность в том, что вероятность скорой войны между Россией и Францией «либо вовсе исключит возможность мирного урегулирования, либо вынудит Россию согласиться на принятие таких турецких условий, которые придадут миру постыдный для великой державы характер», а австрийский консул в Валахии Флейшгакель, получив сообщение своего агента о подписании русско-турецкого мирного договора, не поверил в это. Он писал Меттерниху: «Эти уверения и события так мало совпадают с письменными объяснениями, которые я имел честь часто докладывать вашей светлости, что я нахожусь в величайшем затруднении отличить правду от призрака» (31, 126, 127).

В конце мая в лондонской газете „Times“ было напечатано сообщение из Аугсбурга, в котором говорилось, что «русские и турки стоят дальше от соглашения, чем когда-либо». Даже в середине июня там же было напечатано сообщение из Вены о том, что турецкие армии готовы к сражению и «из Константинополя великому визирю направляются распоряжения — действовать против русских с наибольшей решительностью».

Председательствующий в Диване Молдавии и Валахии сенатор В. И. Красно-Милашевич прислал П. В. Чичагову копию одного письма, полученного им из Вены. Корреспондент писал: «Здесь никто не представляет себе, как это могло произойти с такой легкостью в тот момент, когда Россия не могла больше продолжать планомерные военные действия против Турции» (5, д. 2022, л. 42).

Сподвижник Наполеона Сегюр, участвовавший в нашествии на Россию, писал: «Кто из нас во французской армии не вспоминает о своем удивлении, когда посреди русских полей стало известно о роковом договоре турок и шведов с Александром и как вследствие этого наши беспокойные взгляды стали поворачиваться к нашим флагам — правому открытому и левому ослабленному и к нашему угрожающему удалению. Тогда мы не думали иного, кроме как о гибельных последствиях этого мира между нашими возможными друзьями, ставшими нашими врагами» (31, 128).

Однако с подписанием договора борьба вокруг него еще не закончилась: предстояла его ратификация султаном. Положение осложнялось тем, что Александр I требовал уже и заключения союзного договора с Турцией.

Как уже писалось выше, 6 (18) мая 1812 г. — на следующий день после подписания прелиминарных статей русско-турецкого мирного договора, в Бухарест прибыл новый главнокомандующий Дунайской армией адмирал П. В. Чичагов, сменивший на этом посту М. И. Кутузова. Спустя два дня Чичагов написал великому визирю, что Россия желает не только восстановления прежней дружбы с Османской империей, но и установления с ней самого тесного союза. Однако турецкое правительство не только не откликнулось на этот призыв, но и отказало в разрешении выехать в Константинополь А. Я. Ита-

линскому, вновь назначенному русским послом в Турции. Великий визирь даже вернул в Бухарест курьера, которого Чичагов направил в Константинополь с письмом, адресованным английскому поверенному С. Каннингу, мотивируя свои действия тем, что «пока все статьи договора не совершенно еще установлены и ратификации не разменены, отправление в столицу столь значущей особы, как г-н Италинский, и посылка даже простого курьера может повредить успеху начатого дела, обнаружив агентам иностранных держав скорое приближение мира, который Главно-уполномоченные, с общего согласия, положили сохранить в тайне до окончательного составления мирного договора» (5, д. 1992, л. 14 и об.).

О сердечном характере русско-английских отношений в этот период, несмотря на отсутствие между ними формального мира, свидетельствует тот факт, что Чичагов считал возможным обратиться к Англии за поддержкой в Константинополе. Чичагов направил английскому поверенному в делах в Константинополе Стэтфорду Каннингу письмо, в котором писал о настоятельной необходимости заключения оборонительного союза с Турцией и просил в этом содействовать английскому поверенному (5, д. 1992, л. 12).

С той же целью 20 мая (1 июня) Чичагов отправил в Константинополь коллежского советника К. Я. Булгакова со специальной миссией.

В инструкции Булгакову говорилось: «Обстоятельства, в коих дела теперь находятся, требуют, чтобы мы с точностью наблюдали поступки пребывающих при Порте поверенных неприязненных нам держав. Влияние их на султана и действия, которые производит известие о заключении с нами мира, нужно следовать с возможной бдительностью». Ему предписывалось также войти в контакт с Каннингом и «требовать ходатайства его для испрошения у Порты, в основание будущего союза, согласия на пребывание и переходы войск наших в областях ее до тех пор, как предстоящая война для нашей и особенно ее пользы того требовать будет» (5, д. 1991, л. 43).

С Булгаковым П. В. Чичагов отправил С. Каннингу второе письмо, в котором говорилось, что возникла реальная угроза вражеских вылазок через территорию Ос-

манской империи и поэтому положительно необходимо предпринять контрмеры. Он писал: «Его величество император рассматривает как одну из наиболее действенных мер — диверсии во всех возможных пунктах на суше и на море. Для этого он считает первостепенной мерой использование армии, находящейся в этих местах, которая должна быть направлена через Оттоманские государства к Далмации и французской Крoации (Хорватии), чтобы действовать в зависимости от обстоятельств. Это требование должно составить одну из основ союзного договора, который тайный советник Италинский получит приказ обсудить с турецким правительством, и это будет единственный вид сотрудничества со стороны Порты». Для того, чтобы побудить турецкое правительство заключить с Россией союзный договор и побыстрее ратифицировать мирный договор, Чичагов предлагал совершить военный поход в Далмацию. В упоминавшемся выше его письме С. Каннингу были и такие слова: «Я полагаю, что следует несколько растрезвожить Порту нашими активными действиями, чтобы она не считала, что мы бездействуем. Нужно, чтобы она поняла, что мы готовы отбить любые ее атаки, как политические, так и военные» (5, д. 1991, л. 32—33).

Забегая вперед, отметим, что Александр I весьма неодобрительно отозвался о плане похода на Далмацию, однако предоставил возможность решения этого вопроса самому Чичагову — совершить диверсию в Далмацию или пойти на соединение с командующим 3-й Западной армией А. П. Тормасовым, поставив условием, что он разрешает поход в том случае, если диверсия не нарушит мира с Турцией и не отразится на позиции Австрии. По зрелым размышлениям П. В. Чичагов принял правильное решение — идти на соединение с армией Тормасова, так как диверсия в Далмацию, несомненно, вызвала бы возобновление войны с Турцией.

После отъезда Булгакова в Константинополь П. В. Чичагов попытался склонить турецких уполномоченных на русско-турецких мирных переговорах, еще находящихся в Бухаресте, заключить с русскими уполномоченными союзный договор, но турки отказались на том основании, что не имеют на это полномочий своего правительства.

27 мая (8 июня) при активном содействии С. Каннинга, наконец, было получено разрешение на приезд Итальянского в Константинополь, и Чичаговым были истребованы ему официальные полномочия для заключения наступательного и оборонительного союза с Турцией, но которые так ему и не понадобились.

К началу июня К. Я. Булгаков приехал в Константинополь, где встретился с С. Каннингом. В беседе с Булгаковым английский поверенный сообщил, что турецкое правительство тянет с ратификацией Бухарестского договора и что основное препятствие для ратификации — II отдельная секретная статья договора, в которой оговаривается предоставление России части Черноморского побережья Кавказа для облегчения снабжения военными припасами русской армии на Кавказе. Далее он дал понять Булгакову, что эти военные припасы «могут предназначаться лишь против Персии», война России с которой все еще продолжалась, и что он сам «как посланник находящегося в союзе с Персией двора, также не мог быть нам полезен в этих обстоятельствах...» В отношении союза России с Турцией он заявил: «Сейчас не время для подготовки союза и даже разговоров о нем, и любой шаг в этом направлении, который покажет туркам, что мы стремимся к этой цели, не только не принесет нам успеха, но, возможно, сорвет достижение мира... Прежде всего нам надо окончательно заключить мир и установить дружественные отношения между обоими дворами, а потом уже постепенно и незаметно подвести Порту к той цели, которую мы себе поставили» (10, т. VI, 436). С. Каннинг признавался бывшему сицилийскому посланнику в С.-Петербурге герцогу Серра-Каприоле, что союз с Россией столь непопулярен в Турции, что он «не счел уместным выступить в его защиту».

Из беседы Чичагова с Булгаковым видно, что англичане препятствовали ратификации II секретной статьи, ибо, как писал герцог Серра-Каприола П. В. Чичагову в конце июня: «Англия всячески стремится удовлетворить персидское правительство» с того момента, как возникла идея «пройти через эту страну, чтобы угрожать ее владениям в Индии» (5, д. 2003, л. 6). Кроме того, вновь проявилось стремление англичан не допустить уси-

ления России на Кавказе, что повредило бы их собственным интересам в этом районе земного шара.

Относительно русско-турецкого союза английские правящие круги придерживались мнения, что такой союз может чрезмерно усилить позиции России на Ближнем и Среднем Востоке и, кроме того, у английского правительства не было полной уверенности, что Россия и Франция не сговорятся в последний момент. Сам Каннинг считал, что «когда разразится война на Севере и русские проявят себя решительно способными выдержать упорную борьбу, то может тогда станет возможным найти способ заставить турок склониться к заключению союза. Следовательно, нужно стремиться, по возможности, оформить мирный договор так, чтобы он мог послужить основой для союза...» А такой «основой», по мнению Каннинга, было «внесение в мирный договор (русско-турецкий — Д. Г.) статьи, предусматривающей приглашение Англии принять участие в нем в каком-либо виде, и это дало бы желаемую основу и средства для заключения в дальнейшем союза, с тем преимуществом для России, что Англия признает формально ее новые завоевания в Европе». Несколько позже он повторил свое предложение непосредственно П. В. Чичагову. В письме от 17 июня он объяснил позицию Турции в отношении союза с Россией тремя причинами: боязнью войны с Францией, нежеланием тесных контактов с христианскими государствами и недоверием к России. Каннинг считал, что если «дело обстоит именно так, то Порте следует предложить в качестве платы за союз некоторые выгоды для того, чтобы уравновесить первые две причины. Что касается третьей причины, то ничто ее так не смягчит, как присоединение Англии к предлагаемому союзу между Портой и Россией» (5, д. 1991, л. 125).

По существу, в том высказывании Каннинга проявилось стремление Англии выступить в роли гаранта русско-турецкого мирного договора с тем, чтобы впоследствии влиять на взаимоотношения между Россией и Османской империей.

В цитируемом выше письме П. В. Чичагову Каннинг вновь информировал русское правительство, что султан отказывается ратифицировать II отдельную секретную

статью мирного договора «в том виде, в каком она существует в настоящее время».

В тот же день главнокомандующий Дунайской армией послал новое письмо С. Каннингу, в котором выражал свое удивление по поводу отказа турецкого правительства ратифицировать II секретную статью договора, ибо ни турецкие представители, ни сам великий визирь никогда не противились внесению этой «незначительной» статьи в договор во время переговоров в Бухаресте.

Тем временем обстоятельства складывались весьма угрожающе для России. 12 (24) июня 1812 г. «великая» армия Наполеона перешла Неман. Началась Отечественная война русского народа против наполеоновской Франции.

Необходимость для России обезопасить себя с юга стала такой настоятельной, что Александр I приказал произвести обмен ратификационными грамотами несекретных статей русско-турецкого договора. Русский император придерживался мнения, что отказ султана ратифицировать секретные статьи договора не принесет большого вреда России. Тогда же, видя стремление турецкого правительства оттянуть обмен ратификационными грамотами и, воспользовавшись войной России с Францией, ревизовать условия мирного договора, заключенного в Бухаресте, адмирал Чичагов начал серьезно готовиться к походу на столицу Османской империи — Константинополь, что, по его мнению, дало бы возможность присоединить все европейские владения Турции к России и создало бы выгодные условия в войне с Францией. Однако этот поход так и не был осуществлен.

2 (14) июля 1812 г. в Бухаресте состоялся обмен ратификационными грамотами русско-турецкого мирного договора, причем русским императором были ратифицированы и договор, и отдельные секретные статьи, а турецкое правительство ратифицировало только договор и отказалось ратифицировать секретные статьи, вследствие чего последние так и не вошли в силу.

Таким образом, английское правительство помешало ратификации секретных статей мирного договора, так как старалось по возможности не допустить расширения России за счет Турции и особенно за счет Персии,

имея в виду прежде всего укрепление британского влияния и британскую экспансию в этих странах. Новый посол в Турции Р. Листон, прибывший в Константинополь 16 (28) июня, сообщил А. Я. Италинскому, также находившемуся с 17 июня в столице Османской империи, что персидский шах был очень обеспокоен II отдельной секретной статьей и высказал английскому послу в Персии свою тревогу и угрозу в отношении Турции, если та «в своих переговорах с Россией пожертвует таким образом интересам Персии». Листон не скрыл от Италинского, что английский посланник при дворе персидского шаха заверил последнего «в готовности лондонского двора позаботиться об этих интересах Персии» (5, д. 1995, л. 37—43).

Но как бы там ни было, ратификация произошла, и канцлер Н. П. Румянцев, поздравляя Александра I с этим событием, писал: «Договор, заключенный с Портой, неизбежно претерпит изменения: в себе самом он содержит предпосылки своего невыполнения, и в моих глазах, государь, это не является его недостатком, а представляет очевидную выгоду, если разумно этим воспользоваться».

В тот же день, когда произошел обмен ратификационными грамотами, Александр I впервые обратился с личным посланием к английскому принцу-регенту Георгу, которое было своеобразным ответом на письмо Георга от 16 августа 1811 г. Русский император писал о необходимости объединения сил России, Англии, Швеции, Испании, Португалии, Сицилии и Турции для борьбы против Наполеона (10, т. VI, 465). Как видно из этого послания, русский император не потерял надежды заключить с Османской империей военный союз против Франции. Он еще не отказался от мысли произвести диверсию на южном фланге французских войск силами Дунайской армии. Поэтому и после размена ратификационными грамотами она оставалась на Балканах. На этот раз русское правительство надеялось на помощь Р. Листона. П. В. Чичагов писал ему в начале июля: «Отныне речь идет о союзе наступательном и оборонительном с Портой и я прошу Ваше превосходительство помочь своим участием Италинскому в быстрейшем исходе его переговоров» (5, д. 2004, л. 5—6). Однако

Р. Листон в этом вопросе продолжал политику своего предшественника, и турки проявили упорство. Переговоры происходили в течение всего июля месяца, но не привели ни к каким результатам.

В конце июля П. В. Чичагов сообщал Р. Листону: «Диверсия в Далмации отложена. Армия, которой я команду, идет в направлении центра. Мирный договор с Портой выполняется с нашей стороны со всеми предосторожностями, чтобы не встревожить недоверием турецкое правительство. Заключение союза — это уже вопрос чисто дипломатического характера и времени» (5, д. 2004, л. 7).

Обстановка в России настоятельно требовала объединения всех русских вооруженных сил для отпора наполеоновской агрессии. М. И. Кутузов, назначенный 8 августа главнокомандующим всеми русскими армиями, писал адмиралу Чичагову: «Я... еду командовать армиями и думаю, что сие мое отношение застанет Ваше превосходительство еще у Днестра. Должен теперь сказать положение дел: неприятель, соединивши почти все свои силы, находится уже между Смоленском и Москвой; наши две армии 1-я и 2-я, по последним известиям, около Дорогобужа. О точном положении армии генерала Тормасова я еще не сведущ. Из сих обстоятельств Вы легко усмотреть изволите, что невозможно ныне думать об... каких-либо диверсиях, но все то, что мы имеем, кроме 1-й и 2-й армий, должно бы действовать на правый фланг неприятеля, дабы тем единственно остановить его стремление. Чем более будут переменяться обстоятельства в таком роде, как они были поныне, тем сближение Дунайской армии с главными силами делается нужнее» (12, 96).

Начинался решающий этап Отечественной войны 1812 года.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. Вопрос о турецкой войне. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9.
2. Маркс К. Капитал, т. I. М., 1955.
3. Ленин В. И. О брошюре Юниуса. Полное собрание сочинений, т. 30.
4. АВПР*. Фонд сношения России с Турцией, 1799 г., д. 894.
5. АВПР. Фонд Канцелярии, 1801—1812, опись 468.
6. ЦГВИА**. Фонд Военно-ученого архива (ВУА).
7. Архив Государственного совета. Журналы по делам департамента государственной экономики, т. IV, СПб., 1881.
8. Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. Архив Главного управления наместника Кавказского. Под ред. А. Берже, т. I—XII. Тифлис, 1866—1904.
9. Броневский В. Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Сенявина от 1805 по 1810, ч. 1—4. СПб., 1818—1819.
10. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия первая, 1801—1815 гг. Т. I—VI. М., 1960—1962.
11. Горяинов С. М. Босфор и Дарданеллы. Исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Государственном и С.-Петербургском главном архивах. СПб., 1907.
12. Кутузов М. И. Из личной переписки. К 135-летию со дня смерти М. И. Кутузова (документы). «Знамя», № 5, 1948.
13. «Кутузов М. И.» Сборник документов, т. III. М., 1952.
14. Мартенс Ф. Ф. Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами, т. 15. СПб., 1874—1909.
15. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание первое. СПб., 1830.
16. Сборник императорского русского исторического общества. Т. 1—148. СПб., Петроград, 1867—1916.
17. Уляницкий В. А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. Сб. Московского Главного архива Министерства иностранных дел. Выпуск 2, 3 и 4. М., 1881 и 1883.
18. Уляницкий В. А. Материалы к истории восточного вопроса в 1808—1813 годах. (Извлечены из архива императорского русского Константинопольского посольства и подготовлены к печати А. А. Уляницким). «Чтение в обществе истории и древностей российских», 1901, кн. 4. Имеется отд. оттиск: Уляницкий В. А. Материалы к истории восточного вопроса в 1811—1813 гг. Напечатано под наблюдением В. А. Уляницкого. М., 1901.

* Архив внешней политики России.

** Центральный Государственный военно-исторический архив.

19. Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962.
20. Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам, ч. I. СПб., 1859.
21. Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. Изд. 2-е, ч. I—II. СПб., 1837—1838.
22. Бутурлин Д. П. Картина войн России с Турцией в царствование Екатерины II и императора Александра I. СПб., 1858.
23. Вандаль А. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время первой империи, т. I—3. СПб., 1910—1911.
24. Военский К. и Карцов Ю. Причины войны 1812 г. СПб., 1911.
25. Гагемейстер Ю. О распространении Российского государства с единовластия Петра до смерти Александра I. СПб., 1835.
26. Гуткина И. Г. Дипломатические отношения между Англией и Россией в 1810—1812 гг. «Ученые записки Ленинградского университета». Саратов, 1943, № 87. Серия гуманитарных наук.
27. Достян И. С. Россия и Балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972.
28. Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959.
29. Идаров С. Значение Индии в политике России с Турцией и Англией. М., 1884.
30. Иоаннисян А. Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958. Рец. Семенов Л. С. «Вопросы истории», № 3, 1961.
31. Казаков Н. И. Из истории Бухарестского мирного договора 1812 г. «История СССР», № 3, 1967.
32. Казаков Н. И. М. И. Кутузов в период русско-турецкой войны (1811—1812 гг.). Кандидатская диссертация. Машинопись. М., 1950.
33. Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. 2-е изд. М., 1973.
34. Маркова О. П. Восстание в Кахетии 1812 г. М., 1951.
35. Мартенс Ф. Ф. Россия и Англия в начале XIX столетия. «Вестник Европы». Кн. 10, 1894.
36. Марченко М. К. Россия и Турция в XIX столетии. СПб., 1898.
37. Миллер А. Ф. Мустафа-паша Байрактар. Османская империя в начале XIX века. М.—Л., 1947.
38. Муньков Н. П. М. И. Кутузов — дипломат. М., 1962.
39. Николай Михайлович, вел. кн. Граф П. А. Строганов. Т. II, СПб., 1903.
40. Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Т. I—II. СПб., 1912.
41. Петров А. Н. Влияние турецких войн с половины прошлого столетия на развитие русского военного искусства, т. 1—2. СПб., 1893.
42. Петров А. Н. Война России с Турцией 1806—1812 гг. Т. 1—3. СПб., 1885—1887.
43. Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России. М., 1923.
44. Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947.
45. Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Сношения России с иностранными державами перед войной 1812 года. М., 1905.
46. Родзинская И. Ю. Естественные союзники (русско-английские отношения 60—70-х годов XVIII в.). «Проблемы британской истории». М., 1972.
47. Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801—1812 гг. М., 1966.
48. Сироткин В. Г. Из истории дипломатических и торговых отношений России с Францией и Англией в первые годы XIX в. «Международные отношения, политика, дипломатия XVI—XX века». Сб. статей к 80-летию академика И. М. Майского. М., 1964.
49. Соловьев С. М. Император Александр Первый. Политика — дипломатия. СПб., 1877.
50. Станиславская А. М. Англо-русские отношения в конце XVIII века. «Доклады и сообщения Института истории АН СССР», № 12, 1956.
51. Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798—1807). М., 1962.
52. Тарле Е. В. Михаил Илларионович Кутузов — полководец и дипломат. «1812 год». М., 1961.
53. Тарле Е. В. Наполеон. — «1812 год». М., 1961.
54. Тарле Е. В. Талейран. М., 1957.
55. Уальполь С. Иностранная политика Англии. СПб., 1885.
56. Фадеев А. В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960.
57. Шапиро А. Л. Средиземноморские проблемы внешней политики России в начале XIX в. «Исторические записки», т. 55. М., 1956.
58. English Historical Documents 1714-1815. V. II, L. 1959.
59. Hurewitz G. C. (Ed). Diplomacy in the Near and Middle East. A documentary record. V. I, 1535-1914. Princeton, 1956.
60. The Parliamentary Debates from the Year 1803 to the present time. V. 23. L. 1812.
61. „Times“, 1812, 26 мая и 16 июня.
62. Duggan S. P. H. The Eastern Question. A study in diplomacy. New York, 1970.
63. Lane-Poole S. The life of Stratford Canning. T. I, L. 1888.
64. Mackesy P. The War in the Mediterranean, 1803-1810. L. 1957.
65. Malcolm-Smith E. F. The life of Stratford Canning. L. 1933.
66. Puryear V. G. Napoleon and the Dardanelles. Berkeley and Los Angeles, 1951.
67. Rolfe P. G. George Canning. (Three biographical Studies) L. 1965.
68. Rütter P. Die Türkei, England und das russisch-französische Bündnis 1807-1812. Emstetten, 1935.
69. Saul N. E. Russia and the Mediterranean 1797-1807. Chicago and London, 1970.
70. Seton-Watson R. W. Britain in Europe, 1789-1914. A Survey of Foreign Policy. Cambr., 1937.

71. Seton-Watson R. W. The rise of Nationality in the Balkans. L., 1917.
72. Shupp P. F. The European Powers and the Near Eastern Question, 1803-1807. New York, L., 1931.
73. Thompson E. and Garratt G. Rise and fulfilment of British rule in India. New York, 1971.
74. Ward A. W. and Gooch G. P. (ed). The Cambridge History of British Foreign Policy, 1783-1914, V. I, 1783-1815. Cambr., 1922.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Отношения Англии и России в конце XVIII — начале XIX века	7
Англия и начало русско-турецкой войны	23
Международное положение России в 1808—1810 гг.	46
Англия и Бухарестский мир	67
Список литературы и других источников	107

Дмитри Гьаргь-иџа Гулиа
Амрагыларатә зџаара аџоурых азы
Урысшәала

●
დიმიტრი გიორგის ძე გულია
აღმოსავლეთის საკითხის ისტორიისათვის
რუსულ ენაზე

●
Дмитрий Георгиевич Гулиа
К истории Восточного вопроса

Редактор издательства А. Я. Беселия
Художественный редактор П. Г. Цквитария
Технический редактор С. А. Гордезиани
Корректоры А. А. Мхитарян, Ж. И. Гублиа

●
ЭИ00580. Сдано в произв. 26. VI. 1978 г. Подписано к печати 7. IX. 1978 г. Печатн. лист. 5,88. Уч.-изд. лист. 5,62.
Типогр. бум. № 2, ф. 84x108¹/₃₂. Заказ № 5502. Тираж 1000.
Цена 20 коп.

Издательство «Алашара», Сухуми, Ленина, 9

Сухумская типография № 7 им. Ленина
Госкомитета Совета Министров Груз. ССР
по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли, Сухуми, ул. Ленина, 6.

Цена 20 к.